

Татьяна
Корсакова

ДОМ
И ЧЕРТОВА ОЗЕРА

ЛЮБОВНЫЙ АМУЛЕТ

Татьяна Корсакова
Дом у Чертова озера
Серия «Любовный амулет»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=327202
Дом у Чертова озера: ксмо; М. ; 2009
ISBN 978-5-699-36319-3

Аннотация

Старый дом на берегу Чертова озера давно пользуется недоброй славой. Из смельчаков, рискнувших провести в нем ночь, в живых остаются единицы.

Именно этот дом завещан сумасбродным миллионером троим одноклассникам – друзьям в прошлом и недругам в настоящем. Условие получения наследства одно: провести шесть ночей под крышей старого дома. Всего шесть ночей – и финансовые проблемы будут решены раз и навсегда.

О том, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, легко забыть, если мышеловка выглядит как особняк за миллион долларов...

Татьяна Корсакова

Дом у Чертова озера

*Темные, как сажа, ночи лета,
Прядь тумана в поле пролегла...
До щеки моей коснулся ветер
Легким дуновением крыла.
Кто это? Зачем меня ласкает?
Вздохи чьи тихонько пронеслись?
Может, это вышла дорогая
Навестить меня из-под земли?*

В. Короткевич

Город совсем не изменился, как был безрадостным захо-лустьем, так и остался. Разве что на обшарпанных стенах до-мов появилось граффити, центральный и единственный уни-версам переименовали в супермаркет, но при этом облаго-родить его внешний вид так и не удосужились. А скамейки в сквере, как и раньше, поломаны все до единой, и урны днем с огнем не сыскать...

Варя с досадой посмотрела на обертку из-под шоколад-ного батончика, который только что съела вопреки данному себе обещанию не обжираться и считать калории. Ну и куда ее теперь?

Можно было поступить как аборигены: бросить на землю, прямо себе под ноги, но тринадцать лет столичной жизни

давали о себе знать, и скрепя сердце Варя сунула обертку в карман джинсов. Она же теперь барышня цивилизованная, не то что эти...

Родной город Варя не любила, честно пыталась вспомнить хоть одно приятное событие, с ним связанное, и не могла. Это не город, это черная дыра, в которой бесследно исчезли семнадцать лет ее жизни. И дернул же черт вернуться...

Достав из сумки распечатанный конверт, девушка, наверное, уже в двадцатый раз перечитала письмо. И не письмо даже, а что-то вроде официального уведомления, в котором сухим казенным языком сообщалось, что гражданке Варваре Александровне Савельевой надлежит явиться в город N не позднее двенадцатого июля, так как в четырнадцать часов указанного дня будет оглашено завещание гражданина Л. В. Поклонского, наследницей которого она является.

Варя понятия не имела, кто такой этот Л. В. Поклонский и какое отношение она имеет к завещанию чужого дяди, но после долгих колебаний здоровое любопытство пересилило-таки застоявшуюся, как болотная вода, нелюбовь к родному городу.

Подготовка к отъезду не заняла много времени. За тринадцать лет жизни в столице Варя не нажила особого добра – все моталась по съемным углам. Шанс купить собственную квартиру появился у нее совсем недавно, всего год назад. Конечно, чтобы мечта стала явью, надо поднажать и пахать в том же бешеном темпе еще как минимум лет пять. Но что

такое пять лет по сравнению с тринадцатью? Сущие пустяки.

С официальной работой тоже не возникло особых затруднений. Маленькая фирма по продаже оргтехники, в которой Варя последние четыре года трудилась офис-менеджером, не выдержала натиска конкурентов и не далее как пару дней назад была признана банкротом, а весь ее немногочисленный штат оказался на улице. Лично для Вари в этом вполне прогнозируемом событии не было ничего трагического. Наоборот, судьба предоставила ей реальный шанс сменить скучную и малооплачиваемую работу на что-нибудь более подходящее ее образованию и внутренним потребностям. Положа руку на сердце, сделать это нужно было намного раньше, но Варе не хватало решимости, да и гибкий график ее вполне устраивал. Теперь же придется искать новое место. И даже не потому, что с потерей работы ей предстояло жить на хлебе и воде – побочный заработок в десятки раз превышал ее официальный доход, и на безбедное существование его вполне хватало, – но Варя привыкла здраво смотреть на вещи и понимала, что стабильная зарплата надежней. К тому же обидно, что диплом о высшем экономическом образовании пылится без дела. Вот съездит она на малую родину, развеется, а потом с чистой совестью начнет искать новую работу.

Съездила...

Варя пожалела о своем решении, как только вышла на перрон вокзала. Нет, ничего особо ужасного с ней не произошло. Не грянул гром, не разверзлась под ногами земля,

просто с первым же глотком здешнего воздуха в кровь просочился страх и то мерзкое чувство неуверенности, которое она изживала из себя все предыдущие годы. Варя знала: воздух этого города для нее смертельно опасен, он возвращает ее в прошлое, а в прошлое она больше не хочет...

Обертка от шоколадного батончика противно шуршала в кармане при каждом шаге. Варя чертыхнулась, достала ее и швырнула на дорожку. Вот такая маленькая месть, так сказать, акция протеста.

Акция не прошла незамеченной – старенькая бабулька в ситцевом цветастом платочке, возникшая точно из ниоткуда, покачала головой и сказала укоризненно:

– Как же тебе, девонька, не стыдно мусорить-то?! Это же, чай, сквер, а не помойка!

– Простите. – Варя подобрала обертку, сунула обратно в карман.

– Ну, и чего ты мусор всякий в карманы пихаешь? – не унималась бабулька. – У нас город высокой культуры! Вона, на выходе целых две мусорки имеются. Эх, молодежь нынче пошла бестолковая! Учить ее да учить...

Город высокой культуры! Варя едва удержалась, чтобы не расхохотаться. И в центральном сквере аж две мусорки! Во времена ее босоногой юности не было ни одной, значит, прогресс все-таки не стоит на месте, а движется вперед семимильными шагами. Вон и тумбу афишную поставили, совсем

новую, еще не исписанную всякой похабщиной. И плакатик на ней висит такой яркий, такой креативный, глаз не оторвать. Мордастый дяденька в строгом костюме и остроактуальном у представителей нынешней власти красном галстуке в окружении счастливой ребятни. Внизу подпись: «Я о них позабочусь!» Ну, прямо Ленин и дети!

– Любуешься? – Бабулечка сложила сухонькие ладошки в жесте умиления. – Красавец, правда?

– А кто это? – спросила Варя. Не то чтобы ей было так уж интересно, кто такой этот мордастый дядька, обещающий позаботиться о подрастающем поколении, просто старость надо уважать, а бабулечке, по всему виду, очень хочется поговорить.

– Ты что, нездешняя? – Старушка посмотрела на нее со смесью любопытства и пренебрежения.

– Нездешняя.

– А, ну так я и вижу: одета как-то не по-людски, некультурная, да еще и с саквояжем. – Бабулька неодобрительно покосилась сначала на Варины потертые джинсы, потом на дорожную сумку, которая абсолютно ничем не напоминала саквояж. – Это ж сам Дмитрий Петрович Жуанов, наш новый мэр! Всего тридцать лет, а он уже городской голова! Между прочим, обещал прибавку к пенсиям.

Жуанов?! Варя подошла вплотную к афише, внимательно всмотрелась в лицо дядьки с плаката. Если дядьке сбросить десяток годков и пару десятков лишних килограммов,

то запросто может получиться тот Жуан, которого она знала в прошлой жизни. Значит, вот кто теперь городской голова! Варя саркастически хмыкнула. Ну что ж, каков голова, таков и город...

* * *

– Ворон, останови! Останови эту гребаную тачку, я сказала! – Несмотря на то что в салоне джипа работал климат-контроль, Дарина нервно обмахивалась свежим номером «Космо», своим путеводителем по жизни, и страдальчески закатывала глаза.

– Что еще? – Влад скрипнул зубами и врезал по тормозам с такой силой, что «Космо» вылетел у Дарины из рук и плюхнулся на резиновый коврик под ногами.

– Ворон, ты мне ноготь сломал! – Она горестно посмотрела на указательный палец. – А я только вчера маникюр сделала. Между прочим, сто баксов за него отдала!

– Ты же просила остановить машину. – Влад сжал руль, мысленно досчитал до пяти. Надо было как минимум до двадцати пяти, но раздосадованная потерей любимого ногтя подруга не дала ему такой возможности.

– Ты так несся! Меня укачало! И ноготь... это ужасно!

Тирада получилась не совсем внятной, но общий смысл Влад уловил.

– Сделаешь новый маникюр, ничего страшного.

– Ничего страшного?! – Дарина посмотрела на него, как на душевнобольного. – Где ты тут видишь маникюрный салон?!

Влад вздохнул, опустил стекло, и в салон тут же проник одуряюще сладкий воздух родины: запахло влажной после недавнего дождя землей.

– До города осталось всего пару километров. – Дух отечества примирил его с капризами подружки. В конце концов, она всего лишь девушка. Что с нее взять?

– Думаешь, в твоём Мухосранске есть приличный салон красоты? – Дарина баюкала пострадавший палец, как заботливая мать баюкает младенца.

Влад нахмурился. Ему не нравилось, когда о его родном городе отзывались столь пренебрежительно. И пусть он не был дома вот уже тринадцать лет, это ничего не меняет. Одного движения бровей хватило, чтобы Дарина поняла, что капризничать дальше нецелесообразно. Вот за что она ему нравилась, так это за хорошо развитую интуицию и умение вовремя дать задний ход.

– Ну, Владуся, ну прости меня! – Дарина безмятежно улыбнулась, погладила его по небритой щеке.

Влад раздраженно дернул плечом. Он Влад Ворон, бас-гитарист известной на всю страну рок-группы, а не какой-то там Владуся!

Воспоминания о группе не оставили камня на камне от недавнего лирического настроения. Может быть, он и вправду самый лучший на просторах СНГ бас-гитарист, им ин-

тересуются не только российские, но и иностранные продюсеры, а на горизонте маячит контракт с одной далеко не последней звукозаписывающей компанией в Соединенных Штатах, но от мысли, что с «Фаренгейтом» его теперь ничего не связывает, сердце щемит и вроде даже обливается кровью.

Черт возьми, так обидно! И плевать на славу и дикую популярность в рок-тусовке. «Фаренгейт» – это его детище! Давно, больше десяти лет назад, название и концепцию группы они в муках рожали на пару со Славкой Масловым, а сейчас этот самый Славка решил эту выстраданную и оправданную временем концепцию изменить. Видите ли, чистый рок – уже коммерчески неоправданно. В свете нынешних реалий шоу-бизнеса надо быть гибче, внимательнее следить за конъюнктурой рынка. А в том, что при таком подходе «Фаренгейт» рискует стать полупопсовой группой, Славка, известный фанатам под грозным прозвищем Изверг, не видел ничего катастрофичного. Наоборот, считал, что этот маневр привлечет в ряды их поклонников «свежую кровь». Парочка лирических баллад, парочка новых синглов дуэтом с какой-нибудь звездюлькой от попсы – и от фанатов не будет отбоя!

Да на кой ляд «Фаренгейту» сопливые подростки, когда у него уже есть свой, устоявшийся, проверенный временем круг поклонников?! Тридцати– или даже сорокалетние мужики – это же серьезная публика, это же силища! И энергетика во время концерта от них прет нешуточная, такая, что

башню срывает, а за спиной вырастают крылья. И что, Славка, мать его, Изверг думает, будто от тинейджеров получится точно такая же отдача? Вряд ли. Скорее дело в том, что бывший товарищ и деловой партнер зажрался. Бабок ему мало, а того не понимает, что смена концепции зароет «Фаренгейт» в землю по самую маковку, обезличит и изуродует. Влад ему так и сказал, думал, друг не понимает, хотел глаза открыть. А оказалось, что все он прекрасно понимает, коммерсант хренов. Они тогда разругались вдрызг, морды друг другу набили, а к консенсусу так и не пришли. Вот Влад и принял нелегкое для себя решение уйти из группы. Точно острой бритвой по живому полоснул. Не станет он, Влад Ворон, прогибаться ради вшивого шоу-бизнеса. А Сашка еще покрутится без бас-гитариста и качественной музыки. Вот только группу жалко, это все равно что родного ребенка на чужого дядю оставлять...

– Ворон, ну что же мы стоим?! – Дарина нетерпеливо побарабанила пальчиками по приборной панели.

– Тебя же укачало, – сказал он раздраженно.

– Пока ты тут рассиживался, меня уже обратно откачало!

Укачало-откачало... Красота! Надо будет как-нибудь расспросить боевую подругу о ее прошлом. А то только и знает, что Дарина модель, да еще, кажется, начинающая актриса. Интересно, как она, начинающая актриса, живет с таким «богатым» словарным запасом. Укачало-откачало...

– Ворон, ну что ты смотришь на меня? Поехали уже! И

окно закрой! Жарко! – Дарина расстегнула еще одну пуговку на и без того суперэротичной блузке, и Влад тут же простил ей и нытье по поводу загубленного ногтя, и словарный запас уровня продавщицы мороженого. Такую девушку, как Дарина, совсем не обязательно слушать, на нее нужно смотреть. Потому что слушать там нечего, а вот посмотреть есть на что. Ноги длиннющие, грудь не абы какого, а четвертого размера, симпатичная мордашка и во все времена остроактуальная блондинистость – одним словом, апофеоз сексуальной привлекательности. И то, что сексуальность эта не совсем натуральная, Влада почти не смущало. Бог с тем, что грудь не родная, а чуток силиконовая. Зато какая красивая и от настоящей совсем не отличается, даже на ощупь. И то не страшно, что блондинистость не природная. Зато смотрится вполне естественно. Про отбеленные зубы, наращенные ногти и ресницы вообще не стоит говорить, по нынешним временам это сущие пустяки.

– Владик, – Дарина поймала его взгляд, игриво улыбнулась, – ну что ты на меня так смотришь? Сам же говорил, что надо торопиться, а то не успеем.

Влад усилием воли оторвал взгляд от выреза ее блузки и взглянул на часы. Все нормально, они успевают и даже имеют кое-какой запас времени. Он открыл «бардачок», проверил, на месте ли документы и письмо.

Письмо целый месяц ждало Влада в Москве, пока он с «Фаренгейтом» мотался с концертами по городам и весям,

и это просто чудо, что оно не затерялось среди десятков посланий от фанатов, а дождалось-таки адресата. Сначала Влада заинтересовала витиеватая подпись и казенные печати – несколько необычные атрибуты для почитателей его таланта, – и только потом он прочел само письмо.

Оказалось, что в родном городе преставился какой-то совершенно незнакомый Владу мужик, а перед тем как преставиться, пожелал поделиться с ним своим имуществом. О каком именно имуществе идет речь, не было сказано ни слова, зато Владу предлагалось поприсутствовать на оглашении завещания, которое состоится двенадцатого июля в два часа дня.

В другое время он такое письмецо выбросил бы, не читая, в целях экономии личного времени, но сейчас времени у него вагон. Можно сказать, первый полноценный отпуск за пятилетку. Так почему бы не развеяться, не смотаться в родные края, а заодно и не выяснить, что же за наследство оставил ему незнакомый дядька? Никакого шкурного интереса при этом у Влада не было. К своим тридцати годам он успел сколотить вполне приличное состояние: сначала сумел заработать деньги, потом не потратить их на бессмысленные цацки и тусовочную жизнь, а вполне удачно вложить и приумножить. Просто захотелось прошвырнуться в город детства, вспомнить былое, увидеться с бывшими друзьями, а письмо от нотариуса – это вроде как повод.

Дарина от его решения навестить город детства в восторг

не пришла, но все же согласилась сопровождать в путешествии. Наверное, испугалась, что стоит только оставить Влада без присмотра, как его тут же уведут, а он кавалер перспективный: известный, нежадный и в меру симпатичный. Поди сейчас подыщи такому замену. В общем, Дарина поехала с ним, и теперь Влад все чаще и чаще думал, что лучше бы она осталась в Москве, потому что ее глупые капризы отвлекали, не давали настроиться на правильную волну. Эх, надо было ее все-таки оставить...

* * *

Как же она ненавидела этот город! Ненависть, оказывается, ничуть не уменьшилась за истекшие годы. Хуже того, она была взаимной. Город ее тоже ненавидел и демонстрировал это при любом удобном случае. Началось с того, что на вокзале не нашлось ни одной работающей камеры хранения, и вместо того чтобы идти налегке, пришлось тащить за собой «саквояж». Можно было бы поймать такси, но единственный бомбила, повстречавшийся на Варином пути, запросил такую астрономическую сумму, что она отказалась из принципа, о чем, впрочем, очень скоро пожалела.

Общественный транспорт, облезлый «ЛАЗ», был забит под завязку. Варя едва удалось втиснуться на заднюю площадку, как ее тут же обматерила толстая, пропахшая потом и дешевыми духами тетка, которой Варя почему-то «ме-

шала жить». Тетка ругалась и энергично орудовала локтями, расчищая себе жизненное пространство. Конкуренты тоже в долгу не оставались, и очень скоро Варя оказалась в эпицентре военных действий. Без членовредительства обошлось только чудом, да и то исключительно потому, что на следующей же остановке она позорно бежала, и все та же толстая тетка еще долго орала ей вслед, что «нечего в автобусах ездить, чужие места занимать, а надо пешью ходить, что она кобылица молодая и здоровая, а все туды же – граждан нервировать...».

Оказавшись на свежем воздухе, Варя сделала глубокий вдох, прогоняя из легких остатки теткиных духов, посмотрела вслед отползающему от остановки «общественному транспорту», кое-как отряхнула сумку и потопала пешком.

Вот ведь удивительное дело, городок маленький – население тысяч сорок, не больше, – а размазан по территории, равной чуть ли не половине Москвы. Пока его обойдешь, все ноги посбиваешь. А еще жара. Ночью прошел дождь, казалось бы, живи и радуйся, так нет, полуденное солнце раскалило асфальт, и воздух стал липким от испарений. Черная дыра, как есть, черная дыра.

Варя остановилась, швырнула саквояж себе под ноги, отерла со лба пот и посмотрела на часы. Половина второго, до встречи с нотариусом осталось совсем ничего, но небольшой тайм-аут взять все-таки стоит. Она огляделась в поисках свободной скамейки. Скамейки не обнаружила, зато увидела

еще один плакат, на котором мэра Жуанова окружали уже не радостные дети, а аккуратненькие, умильно улыбающиеся старушки в одинаковых белых платочках. Из размещенной под изображением надписи следовало, что городской голова позаботится и о них. Интересно, о ком еще собирается позаботиться этот самодовольный урод? Все самые социально не защищенные слои населения – детей и стариков – он своим неусыпным вниманием уже охватил. Кто там дальше по списку? Матери-одиночки, безработные, бездомные?..

Додумать мысль до конца Варя не успела, потому что промчавшийся всего в нескольких сантиметрах здоровенный черный джип окатил ее водой из лужи.

– Вот урод! – От обиды и злости на глаза навернулись слезы.

Да, хорошо начался визит в родной город, ничего не скажешь! Варя стряхнула с волос воду, вытерла мокрое лицо. В таком виде ее теперь, пожалуй, и к нотариусу не пустят. А все из-за этого отморозка! Попрокалывать бы ему колеса, чтобы знал, как людей обливать...

Мысль о страшной мести была упоительно сладкой, но, увы, неконструктивной. Сейчас надо думать над тем, что делать с одеждой.

Решение оказалось простым. Двери ближайшего к дороге жилого дома по случаю жары были распахнуты настежь. Варя шмыгнула в первый же подъезд, взбежала по грязной лестнице на чердачный этаж. Вот здесь можно переодеть-

ся...

До часа «Х» оставалось десять минут, когда Варя вышла к уютному зеленому дворику, окружавшему по-европейски respectable одноэтажный дом. Да, хорошо устроились здешние нотариусы. Она помнила этот дом. Когда-то он был старой развалюхой с облупившимися стенами и полусгнившими оконными рамами, но деньги и строители сотворили чудо.

Рядом с домом на парковочной стоянке дремала представительная «Ауди» и... – Варя не поверила своим глазам – знакомый черный джип. Именно тот самый, ошибки быть не могло: вон на лоснящихся боках видны потеки грязи, а еще номера московские...

– Попался, голубчик! – Она торопливо огляделась, достала из «саквояжа» дорожный складной ножик...

Задача оказалась не из легких, но Варя очень старалась, и старания увенчались успехом. Полюбовавшись секунду на то, как из проколотых задних шин со змеиным шипением выходит воздух, она спрятала нож и отошла от джипа на безопасное расстояние.

Некрасиво и непорядочно? А красиво девушку грязной водой обливать? Теперь этому залетному хаму придется попотеть: она прошла полгорода и не увидела ничего похожего на станцию техобслуживания.

Изнутри нотариальная контора оказалась такой же ре-

спектабельной, как и снаружи: евроремонт, кондиционированная прохлада, секретарша в просторной приемной.

– Здравствуйте, мне назначена встреча на два часа дня. – Варя положила перед секретаршей письмо с уведомлением.

– Да, конечно, – та улыбнулась ей как родной, – Вениамин Ильич вас уже ждет. Прошу, – вежливый кивок в сторону дубовой двери, на которой красовалась медная табличка с надписью «Конференц-зал», уточнил, где именно ждет ее Вениамин Ильич.

Комната, скрывающаяся за дверью, походила скорее на зал для переговоров, чем для конференций. Длинный стол, ровные ряды офисных стульев, а в одном из торцов – представительное кожаное кресло, разительным образом отличающееся от своих мебельных собратьев и, по всей вероятности, служащее для того, чтобы лишний раз подчеркнуть значимость сидящего в нем господина. Сам господин был невзрачен и невыразителен: тщедушный лысеющий мужичок в дорогих очках и сильно измятой рубашке. При виде Вари его унылое лицо озарилось отеческой улыбкой.

– Варвара Александровна, если не ошибаюсь?! – Он проворно выбрался из кресла и энергично потряс Варину руку. – А я Вениамин Ильич Кукушкин, нотариус и душеприказчик господина Поклонского. Очень рад вас видеть. Прошу к столу! Сейчас распоряджусь насчет прохладительных напитков. Жарковато сегодня, не находите? – Оставив наконец в покое ее руку, нотариус метнулся к приоткрытой двери и гаркнул

во все горло: – Любовь Станиславовна, еще минералки, пожалуйста!

Варя, до того момента с неусыпным интересом следившая за действиями милейшего Вениамина Ильича, отважилась переключить свое внимание на других людей, присутствующих в конференц-зале.

За столом, рядом с креслом нотариуса, расположились двое. Крашенная блондинка, словно сошедшая с обложки «Плейбоя», нетерпеливо барабанила по столешнице длинными ноготками и смотрела на Варю со смесью недоумения и свойственным всем девушкам «Плейбоя» превосходством. Ее спутник, длинноволосый, плечистый детинушка, с железной цепью на бычьей шее, шипастым кожаным браслетом на запястье и диковинной татуировкой на предплечьях, сидя вполборота к двери, раскачивался на стуле и, не стесняясь в выражениях, костерил по мобильнику какого-то изверга. Вариного появления он, кажется, даже и не заметил. В общем, чувствовалось, что у этой парочки – девушки из «Плейбоя» и косматого рокера – большие проблемы с воспитанием.

Варя обошла стол, уселась напротив девицы и сунула саквояж под стул. Вскоре на свое место вернулся нотариус, хлопнул ладонями по столу, радостно сказал:

– Ну-с, скоро начнем, господа! Осталось дожидаться еще одного человека.

Рокер, к этому времени закончивший переговоры, сунул мобильник в карман и развернулся лицом к Варе...

Ох, зря она приехала в этот чертов город! Ведь чувствовала недоброе...

– Здравствуйте, – рокер окинул ее заинтересованным взглядом, вежливо улыбнулся и даже слегка привстал со стула. – Я так понимаю, вы тоже за наследством?

Сердце сжалось, дернулось сначала вверх, потом вниз. Не узнал! Тринадцать лет назад чуть ей всю жизнь не исковеркал, а сейчас не узнал...

* * *

Влад думал, что, уехав из Москвы, освободится от всех проблем и моральных обязательств, но не тут-то было! Славка Изверг не желал оставлять его в покое. Первый раз он позвонил, когда Влад уже въехал в город. Мобильный, заброшенный за ненадобностью в «бардачок», вдруг заорал дурным голосом. Именно таким голосом он сообщал о желании бывшего друга и бизнес-партнера поговорить «за жизнь». У Изверга не было простых разговоров, у него все разговоры велись исключительно «за жизнь».

Влад бросил раздраженный взгляд в сторону «бардачка» и решил не отвечать. А что отвечать, если все уже давно говорено-переговорено, и даже морды друг другу набиты, так сказать, в подтверждение слов?

Мобильник поорал-поорал да и заткнулся, но не успел Влад расслабиться, как проклятая штуковина снова ожила.

– Может, ответишь? – спросила Дарина. – Ну надоело же, честное слово!

– Ладно, подай, – буркнул он.

Владу всегда казалось, что длинные ногти – это очень непрактично. Дарина на деле доказала это предположение. алые коготки царапнули по крышке мобильного, и телефон брякнулся на пол, туда же, куда незадолго до того упал «Космо».

– Это потому что он вибрирует! – сообщила боевая подруга и скрестила на груди руки, демонстрируя свое нежелание лезть за мобильником под кресло.

Влад чертыхнулся, левой рукой удерживая руль, правой принялся шарить по полу. Истошный визг Дарины раздался, когда телефон был уже у него.

Черт! Влад успел вывернуть руль в самый последний момент, и стоящую у дороги девушку всего лишь окатило водой. Всего лишь, потому что могло быть гораздо хуже, по его, между прочим, вине!

– Твою ж мать! – Он сунул замолчавший мобильник в карман и дрожащей рукой вытер выступившую на лбу испарину.

– Ты ее чуть не задавил! – радостно сообщила Дарина. – Прикинь, Ворон, еще бы чуть-чуть – и все, конец!

– Помолчи! – буркнул он и уставился на дорогу.

Классно начался визит на родину, ничего не скажешь. Чуть не поднял на капот туземную барышню. А Дарина, дура набитая, радуется. Чему радоваться-то?! Эх, зря он ее с

собой взял.

Нотариус, хилый мужичок в измятой рубашке, встретил их безо всякого официоза, как дорогих и долгожданных гостей, проводил в конференц-зал, напоил ледяной минералкой, принялся расспрашивать, как там поживает столица. Влад сказал, что столица изменилась в худшую сторону, а вот Дарина беседу поддержала с удовольствием. Вряд ли нотариусу были так уж интересны московские светские сплетни, но слушал он ее с неусыпным вниманием, не забывая время от времени воровато коситься в вырез блузки.

Мобильник Влада снова заорал дурным голосом, напоминая, что разговор «за жизнь» так и не состоялся.

– Вы не будете возражать, если я отвечу? – Он вопросительно посмотрел на нотариуса.

– Да, конечно! Сколько угодно! – Увлеченный беседой с Дариной, тот, кажется, даже не понял, что ему сказали.

Влад усмехнулся, поднес телефон к уху, рявкнул:

– Изверг, мы уже все решили!

Оказалось, что это он все решил, а Славка Изверг, коммерсант хренов, до сих пор считает вопрос открытым и требующим незамедлительного урегулирования.

– Незамедлительно не получится. – Влад качнулся вперед-назад на стуле. – Я сейчас далековато от Москвы, и вообще у меня отпуск. Да, ты не ослышался – отпуск! А никто мне его не давал! Я сам его взял! А что, нужно было у кого-то разрешения спросить? Да, вот так! А ты думал, что я

все время буду тебе в задницу дуть?! – Он поймал удивленный взгляд нотариуса, улыбнулся и зашептал в трубку: – Ты мне теперь, Славка, не товарищ! У тебя нынче другие товарищи имеются, попопсовее. И твои планы меня больше никаким боком не касаются!..

Краем глаза Влад заметил, как открылась дверь конференц-зала, как засуетился и сорвался с места нотариус, а Дарина, до этого безмятежно улыбавшаяся, вдруг презрительно поджала губы, но к этому времени спор с Извергом достиг своего апогея, и он отвлекся от происходящего. Причем отвлекся настолько сильно, что, когда разговор был закончен по причине очевидной бесперспективности, оказалось, что место напротив занято хорошенькой брюнеткой. Длинные, блестящие волосы, смуглое лицо, зеленые глаза, тонкие запястья и блузка, до безобразия целомудренная, закрывающая не только грудь, но даже ключицы.

– А вы тоже за наследством? – Он улыбнулся незнакомке одной из своих самых обаятельных улыбок, той самой, которой очаровывал фанаток, тех, что посимпатичнее.

Удивительно, но на сидящую напротив девицу его улыбка произвела совершенно неожиданный эффект: она вдруг смертельно побледнела, даже кошачьи глаза утратили свою прозрачность, стали почти черными. Где-то он уже видел что-то похожее, когда-то очень давно...

Незнакомка, кажется, хотела что-то ответить, но в этот самый момент дверь распахнулась, пропуская в конференц-зал

весьма необычную компанию. Сначала в комнату задвинулся шкафоподобный мужик с квадратной челюстью, шишковатой головой и взглядом Терминатора при исполнении. Терминатор «сфотографировал» присутствующих, многозначительно погладил болтающуюся на поясе кобуру и только после этого сообщил механическим голосом:

– Шеф, все чисто.

– Сам вижу, что чисто! Чай, не слепой! – Тот, кого Терминатор уважительно называл шефом, был в полтора раза ниже его ростом и раза в два шире. Над поясом его брюк колыхалось внушительное пузо, а над узлом галстука вместо шеи мелко подрагивали три гладко выбритых подбородка. Лицо вошедшего, круглое и лоснящееся как блин, показалось Владу смутно знакомым, хотя он готов был дать руку на отсечение, что раньше они не встречались.

– Вся стоянка перед вашей шарашкиной конторой заставлена какими-то тачками! Мэру города негде приткнуть свой «мерс»! – А вот этот голос Влад узнал сразу, еще до того, как увидел его хозяйку. Юлька Сивцова – никаких сомнений!

Долго ждать подтверждения его догадки не пришлось – в ту же секунду из-за широкого плеча Терминатора выдвинулась рыжая девица, пикантностью и роскошью своих форм не уступающая Дарине. Так и есть – Юлька Сивцова, бывшая Владова одноклассница и даже некоторое время – объект сердечной привязанности. А этот толстый, значит, мэр? Молодые нынче пошли мэры... И Юлька в своем репертуаре,

выцарапала себе первого парня на деревне. Совсем характер не изменился, как была стервозиной, так и осталась. Правда, очень красивой стервозиной, что есть, то есть.

– Юлия Олеговна! Дорогая вы наша! – нотариус проворно выбрался из-за стола, сложился в холуйском поклоне едва ли не пополам, облобызал милостиво протянутую Юлькину руку. – Так нет там чужих машин! Только моя «Ауди» да джип господина Воронина, – он бросил умоляющий взгляд на Влада, явно призывая его в свидетели и заступники.

– Воронина? – Юлька посмотрела поверх плешивой головы нотариуса сначала на присутствующих в зале женщин, а уже потом на Влада. В искусно подведенных глазах зажегся огонек узнавания. – Ворон, ты, что ли?!

Как и подобает истинному джентльмену, он встал из-за стола, легонько подвинув плечом растерявшегося нотариуса, поцеловал унизанную перстнями руку и сказал весело:

– А ты совсем не изменилась. Небось до сих пор первая красавица в городе?

Холеная ручка в его ладони едва заметно дрогнула.

– Зато ты, Ворон, изменился: длинные волосы, татуировки, цепи. Слышала, в рокеры подался. – Она смотрела на него снизу вверх и одобрительно улыбалась.

– Так, я что-то не понял! Юль, что это за разговоры с незнакомыми мужиками?! – вмешался в их обмен любезностями мэр.

– Дим, да ты что, не узнал, что ли? Это же Ворон. Влад

Воронин! – сказала Юлька, не отрывая восхищенного взгляда от Владовой наколки.

– Ворон?! – Мэр вдруг со всей дури врезал ему по плечу и расплылся в удивленной улыбке. – А я и в самом деле не признал. Смотрю, сидит металлист какой-то...

– Мне, конечно, очень приятно внимание городского головы, – Влад растерянно улыбнулся. – Но разве мы знакомы?

– Охренеть! Юлька, ты слышишь этого чудика? – Мэр со всеми своими подбородками и жировыми складками затрясся в приступе неудержимого смеха. Через мгновение к нему присоединилась Сивцова. Даже Терминатор оптимистично хрюкнул. И только Влад стоял дурак дураком, ровным счетом ничего не понимая.

– Значит, не только я тебя не признал, но и ты меня! – Мэр хитро сощурился.

– Да не мучайся, Ворон, – пришла ему на помощь Юлька. – Это же Жуанов!

Жуанов?! Мама дорогая! Хоть убей, ни за что не признал бы в этом толстяке школьного приятеля, некогда худосочного Димку Жуанова. Влад всмотрелся в луноликое лицо, попытался представить, каким бы оно было без набора лишних подбородков. Ведь прошло-то всего тринадцать лет. Вон Юлька выглядит как мисс Мира, краше себя семнадцатилетней, а что же случилось с Жуаном?

– Беспрестанное радение о судьбах отечества, – Жуан словно прочел его мысли. – А еще гипертония и сахарный

диабет, – добавил шепотом.

– Да, тяжело быть слугой народа, – посочувствовал Влад.

– Господа! Господа! Ну что же мы стоим на пороге?! – Нотариус, почувствовавший, что гроза миновала, лучился от добродушия и гостеприимства. – Дмитрий Петрович, дорогой вы наш, прошу за стол! – Он суетливо отодвинул для мэра кресло, согнулся в три погибели, ожидая, пока Жуанов втиснет в него свой немалый зад, рядом приставил стул для Юльки. – Юлия Олеговна, будьте так любезны!

Сивцова подмигнула Владу, грациозно уселась рядом с Жуаном – ну прям царственная чета. Терминатор бестолково закружился по конференц-залу, видимо, его программы не хватало на то, чтобы определиться с оптимальным местоположением.

– Васек, за дверью подожди! – рявкнул Жуан и тут же виновато улыбнулся сначала Дарине, потом черноволосой незнакомке.

Дарина весьма благосклонно улыбнулась в ответ. То ли волшебное слово «мэр» произвело на нее благоприятное впечатление, то ли просто решила наказать Влада за излишнее внимание к Сивцовой. Незнакомка не улыбалась: сидела, скрестив руки на груди, смотрела не на Жуана, а сквозь него. Неужели не впечатлилась вниманием городского головы? Занятная девица, очень занятная.

Нотариус тем временем пристроился по правую руку от Жуанова, раскрыл кожаную папку, сказал торжественно:

– Ну-с, господа, с вашего позволения я начну.

– Давно пора, – фыркнула Дарина и поерзала на не слишком удобном стуле, – а то устроили тут хороводы.

Нотариус испуганно закашлялся, Жуан снисходительно улыбнулся, Юлька многозначительно выгнула бровь, и только загадочная незнакомка вообще никак не отреагировала. Может быть, оттого, что сама не принимала участия в «хороводах».

– Прошу простить мою спутницу, – процедил Влад и больно сжал руку Дарины. – Она очень устала. Полдня в дороге.

– Пустое, – отмахнулся Жуан. – Такой красивой женщине позволительны любые капризы.

– Может быть, все-таки приступим к делу? – спросила Юлька и посмотрела на Жуана очень многозначительно.

– Ну конечно, дорогая! – Тот нервно поправил узел галстука.

– Так я начинаю? – робко поинтересовался нотариус.

– Начинайте, – разрешила мадам Жуанова.

Вениамин Ильич сделал глубокий вдох, откашлялся и начал официальным тоном:

– Господа, мы собрались здесь для оглашения воли Поклонского Леонида Владимировича. Являясь его душеприказчиком, я имею честь...

– Короче! – Жуан нетерпеливо глянул на наручные часы. – Давайте оставим формальности и сразу перейдем к делу. Ну, чем там нас осчастливил гражданин Поклонский?

Влад, отвлекшийся на недовольное нытье Дарины, навострил уши, а нотариус едва заметно поморщился, но тут же расплылся в улыбке:

– Все очень просто. Волей усопшего все его движимое и недвижимое имущество делится между тремя наследниками.

Жуанов бросил быстрый взгляд сначала на брюнетку, которая за все время не проронила ни слова, потом на Влада и только после этого кивнул:

– Продолжайте, Вениамин Ильич. Так что там нам троим причитается?

Нотариус сделал драматическую паузу и сообщил:

– По триста тысяч долларов каждому, загородный дом и земельный участок у Чертова озера в равных долях.

После этих слов в конференц-зале повисла звенящая тишина. Все как один уставились на нотариуса. Даже Дарина перестала рассматривать свой многострадальный ноготь и застыла с открытым ртом.

Первой пришла в себя Юлька:

– Вы сказали – по триста тысяч долларов? Я не ослышалась?

– Вы не ослышались, Юлия Олеговна. По триста тысяч долларов и равные доли во владении домом у Чертова озера.

– Это каким таким домом? – спросил Влад.

Сколько он себя помнил, на берегу Чертова озера не было никаких жилых построек. Только старый дом – двухэтаж-

ная громадина из почерневшего от времени камня, настолько бесперспективная, что за почти трехсотлетнюю историю ей не смог сыскаться хозяин. И вот сейчас им предлагают стать его владельцем. Конечно, триста тысяч «зеленых» – это хорошо и даже великолепно, но от такой сомнительной собственности он, пожалуй, откажется. Тем более что со старым домом у него связаны не самые приятные воспоминания.

– Тем самым домом, – подтвердила его догадку Юлька.

– Не думал, что у этой развалины вообще есть хозяин.

– Развалины?! – нотариус удивленно округлил глаза. – Господин Воронин, а вы уверены, что мы говорим об одном и том же строении?

– Я вырос в этом городе. Думаете, я не знаю, что представляет собой дом у Чертова озера?

– А позвольте узнать, когда в последний раз вы навещали в родные пенаты?

Влад точно знал когда – пять лет назад, когда после смерти отца забирал маму в Москву. Но тот визит и визитом-то назвать нельзя – вечером приехал, утром следующего дня уехал.

– Давненько не навещался, – сказал он.

– Вот оно и видно, что давненько, – нотариус поднял вверх указательный палец. – По нынешним временам дом у Чертова озера – весьма завидная недвижимость.

– Это правда? – Влад посмотрел на Жуана.

– Да, – тот кивнул, – дом уже три года как отреставрирован

и, говорят, стоит дурных денег.

– К тому же не забывайте о стоимости земли, – поддакнул нотариус.

– А вот земля там копеечная, – вмешалась в разговор Юлька. – Дом находится за чертой города, инфраструктуры никакой. Так что, уважаемый Вениамин Ильич, не вводите нас в заблуждение.

После этой отповеди нотариус поник и даже съежился.

– А кто он вообще такой – этот Поклонский? – спросил Влад.

– Старый пердун, – Жуан поскреб все три своих подбородка. – Приехал в город пару лет назад вроде как из-за границы. Выкупил у Чертова озера участок земли и заброшенный дом. Все думали, что он эту халабуду снести собирается, а он взял и отстроил заново. Да не просто отстроил, а восстановил с соблюдением исторической точности. Архитектора из Москвы привез, какие-то старые планы в местном архиве раздобыл, бригаду строителей выписал черт знает откуда. Нет бы нашим местным мужикам работу дать. Небось справились бы не хуже заезжих мастеров! – Жуан даже покраснел от обиды за электорат.

– А заезжие мастера-то оказались не такими уж хорошими специалистами, – поддакнул нотариус. – Техники безопасности не соблюдали. За полгода работы два несчастных случая с летальным исходом. Да и текучка кадров была такая, что ой-ей-ей.

– Это все только слухи, – отмахнулась Юлька.

– Но в городе говорили...

– В городе каждый день что-нибудь да говорят, и вам, Вениамин Ильич, стыдно распространять слухи.

Влад покачался туда-сюда на стуле – дурная привычка, оставшаяся еще с институтских времен, – и сказал:

– Ладно, все это, безусловно, очень интересно, но хотелось бы наконец узнать, за какие такие заслуги господин Поклонский решил осчастливить именно нас троих. Не припомню, чтобы у меня был родственник по фамилии Поклонский.

– Ну почему же сразу родственник? – Нотариус развел руками.

– Потому что, как правило, такое внушительное наследство оставляют близким людям.

– Вот именно что как правило, господин Воронин! Но из правил бывают исключения.

– Все равно странно.

– Так старик и был странным, – усмехнулась Юлька. – Городской сумасшедший, только очень богатый. Скажите, Вениамин Ильич, а когда наследники смогут вступить в права наследования и осмотреть дом?

– Видите ли, любезная Юлия Олеговна, – носовым платком нотариус промокнул выступивший на лбу пот, – имеется одно маленькое условие.

– Какое еще условие?! – Жуанов в нетерпении подался

вперед.

– Позвольте мне все-таки огласить завещание.

По мнению Влада, сделать это надо было с самого начала. Возможно, множество лишних вопросов отпало бы само собой, но Жуан всегда отличался нетерпением и темпераментностью, и они полчаса переливали из пустого в порожнее, вместо того чтобы просто ознакомиться с последней волей усопшего.

– Оглашайте, бог с вами! – Жуан откинулся на спинку кресла, скрестил руки на пузе, приготовился слушать.

Влад тоже приготовился.

Огласить завещание от начала до конца не удалось... Нотариус только-только вошел в голос и приступил к перечислению наследников:

– Жуанов Дмитрий Петрович, 1979 года рождения, Воронин Владислав Сергеевич, 1979 года рождения, Савельева Варвара Александровна, 1980 года ро...

– Что?! – прервала его речитатив Юлька.

Нотариус испуганно вздрогнул, спросил:

– Юлия Олеговна, что-то случилось?

– Вы сказали, что одной из наследников является Варвара Савельева!

– Да, так написано в завещании.

– И где же она в таком случае?

– Кто?

– Варвара Савельева!

– Я здесь, – послышался негромкий голос.

Все разом, и Влад в том числе, посмотрели на брюнетку.

– Варька?! – Сивцова удивленно захлопала ресницами.

– Савельева, ты?! – Жуан даже попытался встать с кресла, но тут же плюхнулся обратно, сказал восхищенно: – Ну ты, мать, даешь!

– Привет, – Влад смотрел на брюнетку во все глаза. Человек, конечно, может измениться, но не до такой же степени...

* * *

Они смотрели на нее как на инопланетянку. Особенно этот... Ворон. Да, она очень изменилась. Возможно, даже сильнее, чем Жуан, но не до неузнаваемости же!

Нет, Варе не было неуютно под их взглядами – прошли те времена. Просто странно, что они отреагировали так бурно. И Ворон не узнал... А ведь мог бы, он же единственный застал те перемены, которые начали происходить с ней тринадцать лет назад. Он же сам послужил катализатором...

– Каким ветром тебя сюда занесло, Савельева? – Юлька пришла в себя первой.

– Тем же, что и остальных, – Варя улыбнулась. – Меня пригласил Вениамин Ильич.

– Да-да, все именно так и было. – Нотариус, уловив флюиды надвигающейся бури, испуганно закивал головой.

– То есть ты одна из трех наследников? – спросил Жуан и

нервно обмахнулся галстуком.

– Выходит, что так.

– А за какие заслуги?

Она пожала плечами:

– Вероятно, за те же, что и вы, господин мэр.

– Ой, вот только не надо этого официоза, Варвара! – Круглая жуановская морда расплылась в широкой улыбке. – Мы же свои люди, можем по-свойски.

– Хорошо, – она кивнула. – По-свойски так по-свойски.

– В таком случае позволь полюбопытствовать, – сказал Жуан вкрадчиво, – ты уже решила, что станешь делать со своей долей дома?

– Решила.

– Ой, как интересно! И что именно?

– Я продам ее сразу, как только представится такая возможность.

Ей ни к чему вести подковерные игры. И этот чертов дом ей тоже ни к чему. Даже если ей не удастся продать свою долю, то она откажется от него не задумываясь. Денег, которых оставил ей неизвестный благодетель, хватит, чтобы купить квартиру в Москве и раз и навсегда решить свой жилищный вопрос.

– Господа, одну секундочку! – сказал нотариус упавшим голосом.

– Что еще? – нахмурился Жуанов.

– Я об условии, оговоренном в завещании.

– Ну, и что там за условие?

– Дело в том, что вступить в права наследования вы сможете только спустя шесть дней, а до этого момента вы обязаны жить в доме, так сказать, на правах гостей.

– Обязаны? – мрачно уточнил Жуан.

– Таково условие завещателя, – зачастил нотариус. – Вот здесь черным по белому написано, что наследники должны провести в доме шесть ночей.

– Именно ночей и именно шесть? – усмехнулся Ворон. – Этот ваш городской сумасшедший, как я посмотрю, был склонен к мистицизму.

Вениамин Ильич беспомощно развел руками:

– Я всего лишь оглашаю волю усопшего. Господин Поклонский считал, что до момента вступления в права наследники должны познакомиться с домом и понравиться ему.

– Так уж и понравиться? – хмыкнул Жуан.

– Скажите, а что случится, если воля господина Поклонского будет нарушена? – спросила Сивцова.

– Претендент лишится своей доли наследства, – горестно вздохнул нотариус.

– И кому достанется эта доля?

– Она будет поделена между оставшимися наследниками.

– А если воля будет нарушена по уважительной причине?

– Любая причина считается неуважительной.

– Любопытно, – Ворон обвел присутствующих веселым взглядом, – а каким образом будет отслеживаться исполне-

ние этого условия? К нам приставят наблюдателей с секундомером?

– Нет, господин Воронин, такие крайние меры не нужны. – Нотариус позволил себе робкую улыбку. – Просто на протяжении указанных шести дней ровно в полночь всем наследникам надлежит собираться в обеденном зале дома. Отсутствующий автоматически исключается из завещания.

– А что, если условия нарушат все три претендента?

– В этом случае в доме у Чертова озера будет организован краеведческий музей и все средства господина Поклонского пойдут на его содержание и благоустройство.

– Очень патриотично. – Ворон перестал раскачиваться на стуле, посмотрел на Жуана: – В любом случае ты выиграешь. Если не удастся улучшить собственное благосостояние, то получится улучшить благосостояние родного города. Краеведческий музей с бюджетом почти в миллион долларов – это что-то!

– Не каркай, Ворон. – Жуан растянул тонкие губы в улыбке. – Все будет хорошо. Меня больше волнует другой вопрос. Днем-то хоть можно будет выходить из этого дома? В конце концов, я себе не принадлежу.

– Конечно, Дмитрий Петрович! – Нотариус радостно закивал. – Днем вы вольны делать все, что пожелаете.

– А как насчет гостей? – Юлька, царственным жестом заправив за ухо рыжую прядь, бросила пренебрежительный взгляд на силиконовую девицу, с которой приперся Ворон.

Девушка ответила точно таким же взглядом, оскорбленно надула губы. Кажется, она хотела что-то сказать, но Ворон не дал ей такой возможности, предупреждаяще сжал руку.

– О гостях в завещании не сказано ни слова.

– То есть что не запрещено, разрешено? Я правильно понимаю.

– Совершенно верно.

– Вот и хорошо. – Сивцова погладила Жуана по руке. – Милый, ты же не станешь возражать, если я проживу с тобой в этом загадочном доме?

– Ну конечно, дорогая! – Жуан улыбнулся жене и бросил вороватый взгляд на вороновскую блондинку.

Варя усмехнулась, вот ведь похотливый козел! Одной Сивцовой ему явно мало. Интересно, а Ворон заметил, как друг детства пялится на его подружку? Впрочем, ей-то самой какое дело?! Она здесь исключительно из-за завещания, а на остальных плевать. Кажется, перед ней стоит проблема куда более серьезная, чем Жуан, Сивцова и Ворон, вместе взятые. Ей предстоит почти неделю прожить в доме у Чертова озера...

* * *

...Отец не появлялся дома уже третьи сутки. Значит, снова сорвался.

Вообще-то отец у Вари был хороший, добрый и душев-

ный, но запойный. Он начал пить почти сразу же после смерти Вариной мамы, шестнадцать лет назад. Сначала по чуть-чуть: стопка днем, чтобы забыться, стопка на ночь, чтобы уснуть. Наверное, в самые первые дни это было оправданно. Потерять любимую жену, остаться с годовалой дочкой на руках – испытание не из легких. Даже тетя Тоня, его родная сестра, приехавшая из Зеленограда поддержать брата и присмотреть за малышкой, поначалу не видела ничего плохого в этих двух стопках. У каждого свой способ бороться с бедой. Конечно, выпивка – не самый лучший выход, но так ведь это же ненадолго. На месяц, максимум два. А потом время возьмет свое, перемелет душевную боль в воспоминания. Сашенька мужчина молодой, видный, с золотыми руками. Такой без женской ласки не останется, а там, глядишь, и Варя мамочка найдется.

Отец перестал пить на сорок первый день после маминой смерти, сказал твердо:

– Мне еще Варьку на ноги поднимать.

И тетя Тоня с легким сердцем уехала обратно в Зеленоград.

Папа продержался три года. Сама Варя этого, конечно, не помнила. Просто соседи рассказывали, каким молодцом он был, как хорошо за ней ухаживал, получше, чем некоторые мамыши. И женщины на него засматривались, да не абы какие, а очень даже положительные: школьная учительница, библиотекаря и, кажется, даже заведующая универсамом.

Ну что не жить мужику?! Ведь никто бы не осудил, все же понимают, что дело молодое и без женщины одному с малым дитем на руках никак нельзя. А отец оказался из редкой породы однолюбов, не нужны ему были ни учительница, ни библиотекарша, ни даже заведующая универсамом. Только Варина мама, а она умерла от странной, непонятной болезни, сгорела за месяц, истаяла как свечка. Вот он опять и запил.

Люди шептались про злой рок и проклятье, говорили, что все женщины в мамином роду умирали почти сразу после рождения первенца, и первенцем – вот ведь что удивительно! – всегда оказывалась девочка. Злой рок, не иначе.

Да что там люди?! Отец и сам верил в злой рок. Варя помнила, как он брал ее к себе на колени, гладил по голове и говорил, что мамочку забрала черная кошка. Варя никак не могла понять, как какая-то обыкновенная кошка могла забрать с собой мамочку, а отец пояснял, что та кошка особенная, что в ней живет душа Черной дамы, и что эта Черная дама не успокоится, пока не изведет весь их род под корень, но он не позволит и обязательно найдет способ защитить свою малышку от всякой нечисти. Надо только хорошенько подумать, во всем разобраться.

Разговор про Черную даму повторялся из года в год, в основном в те дни, когда отец был навеселе, и с каждым разом обрастал все новыми удивительными подробностями. Когда Варя была маленькой, она воспринимала рассказ отца как страшную сказку, боялась засыпать без света, шарахалась от

черных кошек и кричала по ночам от кошмаров.

Сон ей снился всегда один и тот же: страшная женщина в рубище с растрепанными седыми волосами и горящими зеленым светом глазами. Каждый раз во сне Варя спрашивала незнакомку, что же ей нужно, но та никогда не отвечала, только смотрела и смотрела, а под утро, на зыбкой грани между сном и пробуждением, оборачивалась черной кошкой и прыгала Варе на грудь. Варя просыпалась от собственного крика, а еще оттого, что в легких не оставалось ни капельки воздуха, и дышать было больно, и казалось, что она сейчас умрет. Прибегал отец, хватал ее на руки, распахивал настежь окно и уговаривал чуточку потерпеть, обещал, что приступ – он называл то, что творилось с Варей, этим странным словом «приступ» – скоро пройдет. Чаще всего так и случалось, но однажды Варя потеряла сознание, и отцу пришлось вызывать «Скорую».

Тетенька-врач из «Скорой» вколола задыхающейся Варе что-то в вену. Было страшно и больно, но дышать сразу стало легче. А потом тетенька-врач сказала, что приступ очень похож на астматический – еще одно непонятное слово – и Варю нужно обязательно обследовать. Папа тогда так испугался, что не пил целых два месяца, и вызванная из Зеленограда тетя Тоня не заподозрила неладного. В то время папа еще не был запойным, работу не прогуливал, хозяйство не запускал, с соседями не ссорился, а к бутылке прикладывался только дома, сидя в обнимку с маминой фотографией.

Тетя Тоня забрала Варю с собой в Зеленоград, сказала, что ребенка нужно обследовать в хорошей больнице, что девочка уж больно худенькая для своих шести лет, может, там и еще какие проблемы имеются, не приведи господь.

В Зеленограде диагноз доктора со «Скорой помощи» подтвердился. У Вари обнаружили бронхиальную астму и аллергию на кошачью шерсть, выписали какие-то таблетки и странную штуку под названием «ингалятор», лекарством из которого нужно было дышать во время приступа. Варя пробыла в гостях у тети целое лето. За все это время у нее не случилось ни одного приступа и, что самое главное, Черная дама ей больше не снилась. Она уже начала надеяться, что и болезнь, и кошмары ушли навсегда, но стоило только вернуться в родной город, как все началось сначала: и ингалятор стал вещью жизненно необходимой, с которой Варя не расставалась ни на минуту, и Черная дама продолжала преследовать ее во снах.

К тому времени, когда Варя перешла в девятый класс, папа стал уже запойным. Теперь он пил не таясь, по большей части не дома, а где-то в городе с «друзьями». И с работы его уволили. Три года закрывали глаза на его бесконечные пьянки – жалели. А потом по вине отца случилась авария, и жалеть его сразу перестали. Неделью после увольнения папа пил беспробудно, не обращая внимания ни на Варины уговоры, ни на слезы. Он пришел в себя только тогда, когда у нее случился жуткий приступ астмы и ее забрала «Скорая». Вече-

ром того же дня он явился к ней в больницу, помятый, измотанный, но тщательно выбритый и трезвый, как стеклышко. Отец просил дать ему второй шанс, обещал завязать с выпивкой и взяться за ум. Вообще-то шанс этот был не второй и даже не третий, но Варе хотелось верить. Она любила отца и знала, что он ее тоже любит.

Намного дольше, чем Варю, пришлось уговаривать районного участкового и строгую тетеньку из социальной службы. Тетенька считала, что Варю следует немедленно оформить в детский дом и тем самым «оградить неокрепшую детскую душу от тлетворного влияния такого морально неустойчивого и неуклонно деградирующего типа, как ее отец». А участковый просто поговорил с папой по-мужски и убедил, что если тот не прекратит безобразничать, то дочки ему не видать как своих ушей. Наверное, в папе еще оставалось что-то от себя прежнего, ответственного и со всех сторон положительного, а может быть, подействовали угрозы. Во всяком случае, отцу удалось продержаться почти год, до Вариного шестнадцатилетия...

Тетя Тоня приехала накануне ее дня рождения, привезла много вкусностей и ворох красивой одежды для Вари.

– Варвара, ты уже большая и должна одеваться как настоящая леди.

У тети Тони был хороший глазомер и отличный вкус. Все ее подарки приходились Варе впору и смотрелись умопомрачительно, настолько умопомрачительно, что Варя не отважи-

валась их надевать...

В тот памятный день, помимо одежды, у тети Тони нашелся для нее еще один удивительный подарок. Золотой медальон в виде остроухой кошачьей мордочки на цепочке затейливого плетения. Вместо глаз у кошки были искрящиеся зеленые камешки.

– Это мне? – Медальон был таким красивым, что Варя не решалась взять его в руки.

– Тебе, Варвара, – грустно улыбнулась тетя.

– А откуда он?

– Этот медальон – фамильная драгоценность. Твоя покойная мама рассказывала, что он передается из поколения в поколение более трех веков. От матери к дочери.

– Трех веков?!

– Да, она так говорила.

Медальон и в самом деле казался не новоделом, а старинным украшением. Металл на ощупь был теплым и, казалось, светился изнутри.

– Очень красиво. Можно мне его надеть?

– Да, твоя мама, когда заболела, передала медальон мне на хранение, велела отдать его тебе в день твоего шестнадцатилетия. Теперь, Варвара, он твой. Надеюсь, он принесет тебе счастье.

– Спасибо, тетя Тоня! – Варя повисла у тети на шее. – Спасибо тебе большое!

– Мне-то за что? Считай, что это подарок от твоей мамы.

Отец вернулся с работы вечером. Варя с тетей Тоней к тому времени уже накрыли праздничный стол.

– Что это?!

Варя еще не успела ничего рассказать про подарок. Папа увидел все сам и побледнел так сильно, что она испугалась, что ему станет плохо.

– Папа, это...

– Я спрашиваю, что это?! – Отец смотрел теперь только на тетю Тоню.

– Это подарок, – та обняла Варю за плечи.

– Я же велел тебе избавиться от этой мерзости! Сжечь! Утопить! Зарыть в землю!

– А твоя покойная жена просила передать его Варю. Саша, я не понимаю, почему ты злишься? Посмотри, какая красивая вещь, и девочке она к лицу.

– Дьявольская игрушка! – Отец рухнул на стул, сжал виски руками. – Это она убила Анну.

– Саша, не говори глупостей! – прикрикнула тетя Тоня. – Анечку никто не убивал. Это болезнь, трагическая случайность, и украшение тут совершенно ни при чем.

– Доча, – отец с мольбой посмотрел на Варю, – умоляю – сними это!

Она любила своего отца, старалась ничем его не расстраивать и слушалась его беспрекословно, но сейчас все внутри нее воспротивилось этой просьбе. Снять медальон, который триста лет принадлежал женщинам ее рода?! Ни за что! И

мама хотела, чтобы она его носила. Медальон нагрелся чуть сильнее и, кажется, даже заурчал, одобряя ее решение.

– Ты должна его снять! – Отец встал из-за стола, в его голосе послышалась угроза: – Сними его немедленно!

Варя накрыла медальон ладонью, испуганно попятилась. На какое-то мгновение ей показалось, что отец ее ударит, но он лишь обреченно покачал головой, сказал, глядя прямо перед собой:

– Все как всегда. Я не в силах это остановить.

День рождения получился безрадостным. Тетя Тоня пыталась восстановить мир, но получалось у нее не слишком хорошо. Отец молчал и о чем-то сосредоточенно думал, а Варю обуревали два противоречивых чувства: радость из-за обладания медальоном и вина перед отцом.

Тетя Тоня уехала на следующее утро, а вечером папа не вернулся домой ночевать. Варя знала, что это может означать: отец сорвался, в который уже раз ушел в запой. Его не будет два или три дня, может, даже неделю, а потом он вернется, грязный, дурно пахнущий, с глазами несчастными и просительными, как у побитого пса. И с ним надо будет возиться, точно с младенцем: уговаривать сначала помыться, потом переодеться, потом покушать и лечь спать. А ночью папа непременно проснется и станет проверять, хорошо ли заперты окна и двери или, того хуже, гонять по дому невидимых черных кошек.

Вот так, для кого-то вестниками белой горячки были зе-

ленные черты, а для Вариного папы – черные кошки. Таких моментов она боялась больше всего, запиралась в своей комнате, с головой накрывалась одеялом и молила бога, чтобы отец побыстрее угомонился, а соседи не вызвали милицию. Она очень хорошо запомнила подозрительно-осуждающий взгляд тетеньки из соцслужбы и угрозы участкового, поэтому старалась не выносить сор из избы, в школе никому и никогда не жаловалась на отца, в доме поддерживала такой идеальный порядок, что ни одна строгая тетенька из соцслужб не смогла бы придраться.

Варя делала все возможное и невозможное, а отец продолжал пить и ловить по ночам невидимых черных кошек...

* * *

Старый Новый год пришелся на выходные, и Жуан предложил отметить это дело. А что? Старый Новый год – не самый плохой повод для вечеринки. К тому же родители Жуана свалили на три дня в Москву к родственникам.

Гулять решили по-взрослому: с выпивкой, сигаретами и девчонками. Если с первым и вторым пунктами особых проблем не возникло, то с девчонками случился напряг. Все они: и Влад, и Жуан, и даже Лешка Саморуков, из-за тяги к физике и изобретательству прозванный Эйнштейном, – сходились во мнении, что на вечеринку нужно обязательно пригласить Юльку Сивцову, первую красавицу школы, кокетку

и разбивательницу мужских сердец. Именно из-за этого единодушия и возникли проблемы. Они все трое втайне были влюблены в Сивцову, поэтому рассматривать остальные кандидатуры никому не хотелось.

– Одна она не согласится, – сказал Лешка Эйнштейн и глубоко затянулся сигаретой.

– Значит, нужно пригласить еще какую-нибудь телку, – резонно заметил Жуан, любуясь новенькими наручными часами, новогодним подарком родителей.

– Какую? – спросил Влад, стараясь не смотреть на запястье Жуана. Уж больно клевыми были часы: стальной корпус, автоподзавод, изумительная зеленая подсветка и даже будильник. Конечно, жуановский батяня – председатель горисполкома – постоянно мотается по столицам и заграницам. Для него купить единственному сыну такие часики – сущий пустяк. Мысли эти были суетными и мелкими, недостойными настоящего мужчины, вот Влад и старался не смотреть на часы, чтобы лишний раз не поддаваться соблазну.

– А пусть Юлька сама решит, кого из девчонок позвать, – предложил Эйнштейн. – Какая нам разница, кого она с собой притащит?

– Золотые слова, Леха! – Жуан одобрительно похлопал приятеля по плечу. – Сразу чувствуется рационализаторская мысль. Ну что, пошли?

– Куда? – Эйнштейн загасил сигарету.

– К Юльке, на вечеринку ее звать.

Дверь им открыли не сразу, к тому же не Юлька, а Варь-ка Савельева, отличница, тихоня и вообще личность серая и ничем не примечательная.

– Вам чего? – спросила она не слишком приветливо.

– Вообще-то мы к Сивцовой, а ты что тут делаешь? – Жуан окинул ее удивленным взглядом.

Простой вопрос привел Савельеву в полное замешательство: она покрылась нездоровой бледностью, со свистом втянула в себя воздух и попыталась захлопнуть двери прямо перед их носами.

– Эй, чокнутая! – Жуан дернул дверь на себя. – Ты чего?! Ну-ка, Юльку нам позови!

Юльку звать не пришлось, она уже нарисовалась за спиной у Савельевой.

– И что это за делегация? – спросила Юля тоном потревоженной королевы.

– Да мы тут это, – заблеял было Эйнштейн, но Жуан не дал ему договорить:

– Юль, мы к тебе по делу.

– Ну? – Она слегка выгнула бровь и сразу же стала похожа на удивленную королеву.

– Может, в домпустишь? – Жуан был тоже не лыком шит и собственного достоинства не терял.

– Проходите, – Юлька небрежно дернула плечом, сказала, теперь уже Савельевой: – Варь,пусти их и свари нам, пожа-

луйста, кофе.

Савельева побледнела еще сильнее, молча кивнула, исчезла на кухне.

– Что это было? – спросил Жуан, снимая дубленку.

– Ты о Варьке? Да так, ничего особенного. Просто моя матушка, добрая душа, привыкла опекать всяких... убогих, – Юлька снисходительно улыбнулась, – вот и наняла Савельеву, чтобы та помогала по хозяйству. Ну там, подай-принеси, пыль смахни, кофе свари.

– Да, матушка у тебя меценатка, как я посмотрю. – Жуан сбросил ботинки, покосился на закрытую дверь кухни. – Моя бы так никогда не поступила.

– Ну ты же знаешь, какая у Савельевой ситуация, – Юлька вздохнула. – Отец пьет беспорядно, денег в дом не приносит, вот мама и подумала, что надо человеку помочь.

Влад поморщился. Оно вроде и правильно, люди должны друг другу помогать, но не так... демонстративно, что ли. И вообще, двадцатый век на дворе, а тут барство какое-то. Мама Влада всегда говорила, что человеческое достоинство унижать нельзя, что это бездушно и мерзко...

– Ворон, а ты чего не раздеваешься? – спросила Юлька и улыбнулась так, что он тут же думать забыл про всякое там человеческое достоинство и принялся торопливо стаскивать с себя куртку.

Они расположились в гостиной: Влад, Эйнштейн и Жуан на диване, а Юлька, как и полагается королеве, в роскошном

кресле напротив.

– Варь! – позвала она. – Варя, ну как там кофе?

– Уже скоро, – послышалось из кухни.

– Вот ведь неумеха, – Юлька снисходительно улыбнулась. – Кофеварка же есть, а она все возится.

Не успела она договорить, как на пороге гостиной нарисовалась Савельева с подносом в руках.

– Расторопнее надо быть, – сказал Жуан с укоризной.

Варька метнула в него острый, как бритва, взгляд, но промолчала. Серая личность, что с нее взять? Ее пинают, а она молчит.

– А сливки где? – не унимался Жуан. – Я привык пить кофе со сливками.

Савельева бухнула поднос на журнальный столик, выбежала из комнаты. Влад подумал, что она обиделась, но через минуту Варька вернулась с фарфоровым молочником в руках.

– Расторопная, – похвалил Жуан. – Ну, налей.

И снова этот быстрый взгляд исподлобья. Кажется, заметил его только Влад, Жуан и Эйнштейн оказались увлечены беседой с Юлькой.

Журнальный столик был широкий, и тянуться с молочником к чашке Жуана было неудобно, так что в том, что Варька вылила все сливки прямо ему на штаны, не было бы ничего удивительного, если бы не предшествующий этому происшествию взгляд. Но Влад мог поклясться чем угодно, что

она сделала это специально. Значит, не такая уж она серая, не такая уж бесхребетная.

Жуан разразился возмущенными воплями, попытался дотянуться до Савельевой, но та проворно отпрыгнула в сторону, сказала виновато:

– Извини, Дима, я нечаянно.

– Нечаянно она! Корова безрукая! – Он схватил со стола салфетку, принялся тереть ею брюки.

– Жуанов, не ори! Ты не у себя дома, – сказала Юлька строго. – И вообще, мог бы и сам себе сливки налить.

– Сам?! А на кой хрен тогда нужна эта прислуга?! – Жуан чуть не плакал над своими испачканными брюками.

– А кто тут говорил о прислуге? – делано удивилась Юлька. – Варя не прислуга, она просто помогает по хозяйству. Варь, – она посмотрела на стоящую в отдалении Савельеву, – а почему ты себе кофе не налила?

– Потому что она дура набитая! – рявкнул Жуан.

– Юль, я домой пойду, – Савельева спрятала руки за спину, – а то поздно уже.

– Ничего не поздно, посиди. Кто-нибудь из парней тебя потом проводит, – Юлька обвела их компанию требовательным взглядом.

– Не стану я эту безрукую провожать, – буркнул Жуан. – И вообще, у меня штаны мокрые.

– А у меня через полчаса репетитор по физике, – сообщил Эйнштейн.

– Я провожу, – предложил Влад. – Мне как раз по пути.

И вовсе ему было не по пути, у него на этот вечер имелись совсем другие планы, но мама всегда говорила, что унижать человеческое достоинство нельзя, что слабым – Юлька называла их сирыми и убогими – надо помогать.

После такого заявления присутствующие воззрились на него с немым удивлением. Даже Жуан перестал причитать над своими штанами.

– Я сама, – сказала Савельева и покраснела. – Не надо меня провожать.

– А что так? – поинтересовалась Юлька, нервно поигрывая серебряной ложечкой. – Не стоит отказываться от такого заманчивого предложения.

– Вот именно, – отмер Жуан. – Второго раза может и не быть. Так что лови момент! Будет потом о чем вспомнить на старости лет. – Он заржал и подмигнул Владу.

– Ладно, Савельева, не парься, – сказал тот зло. – Я провожу. Не о чем тут спорить. Да ты садись, не стой столбом.

Какое-то мгновение она колебалась, а потом решилась – села в свободное кресло, с вызовом вздернула подбородок. Теперь у них получалось сразу две королевы, и надо было еще очень сильно подумать, которая из них настоящая. Если судить по одежде, то, безусловно, Сивцова, а если принимать во внимание осанку и взгляд, то Влад бы поставил на Савельеву. И ничего она не серая, просто старается казаться серой...

– Ну, так с каким делом вы ко мне пожаловали? – Юлька заправила за ухо рыжую прядь, забросила ногу за ногу, и сразу стало ясно, что вот она, единственная королева, а прочие мысли – это крамола.

– Мы насчет старого Нового года, – Жуан приосанился. – Мои предки на все выходные укатили в Москву.

– Ну и?..

– Ну и хата будет в полном нашем распоряжении, можем устроить сейшн.

– Сейшн? – Сивцова нахмурилась. – Надо подумать.

– Подумай, Юленька, подумай. Вечеринка, как в лучших домах Парижа: с фейерверком, бильярдом, мартини и танцами до упаду.

– Мартини?

– Да, все, как ты любишь. Соглашайся!

– А кто будет?

– Ну, все как обычно: я, Эйнштейн, Ворон.

– А из девушек кто?

– Из девушек ты.

– Я и?.. – Юлька рассеянно покачала обутой в красный шлепанец ножкой.

– А это ты сама решишь, – сказал Жуан и бросил на Влада заговорщицкий взгляд.

– Значит, сама? – Сивцова кивнула. – Ну что же, я хочу, чтобы со мной пошла Варя.

– Эта? – разочарованно протянул Жуан, разглядывая пят-

но на своих брюках.

– Да, а что тут такого? – Юлька посмотрела на Савельеву:
– Варя, ты когда-нибудь пила мартини?

– Я не пойду, – отрезала та и уставилась на свои сцепленные в замок руки.

– Вот видишь? – оживился Жуан. – Давай возьмем кого-нибудь другого. Того, кто знает толк в мартини.

– Жуан! – Юлька ударила кулачком по подлокотнику кресла. – Ты только что сказал, что я могу сама решать. Все, я решила: на вечеринку со мной пойдет Варя.

– Я не пойду, – повторила Савельева.

Юлька вздохнула и ласково пропела:

– Мальчики, вы пока допивайте кофе, а мы с Варей посекретничаем. Идем, Савельева, разговор есть.

Савельева поднялась с кресла, как показалось Владу, с большой неохотой, побрела вслед за Юлькой на кухню.

– Приплыли! – сказал Жуан зло. – Теперь придется еще и эту крокодилицу развлекать.

– А ты не развлекай, – посоветовал Влад. – Она не маленькая, сама себя как-нибудь развлечет.

– А что, пацаны, это даже прикольно, – перешел на шепот Эйнштейн. – Кто-нибудь из вас видел Савельеву пьяной?

Жуан понимающе кивнул, мстительно зашептал:

– Я этой дуре косорукой еще покажу. Она у меня еще поплачет. Ворон, а ты чего молчишь?

– А что говорить? – огрызнулся Влад.

– Ну ты как, идею одобряешь?

Вообще-то он не одобрял, но сейчас время такое – каждый сам за себя. И если Савельева даст себя упоить, значит, она полная дура. Он бы на ее месте вообще никуда не пошел с такими-то «друзьями». Ответить Влад не успел, в гостиную вернулись девушки. Савельева была мрачнее тучи, а Юлька, наоборот, сияла как начищенный пятак.

– Все, мальчики, мы согласны! – сообщила она. – Жуан, в котором часу начинаем?

– Думаю, часиков в семь. Тебя с ночевкой отпустят?

– Скажу предкам, что останусь ночевать у Светки Евдокимовой. – Сивцова пожала плечами.

– А ты как? – Жуан перевел взгляд на Савельеву. – Папанька твой не будет против?

– Не будет, – буркнула та и отвернулась.

– Значит, договорились! – Жуан посмотрел на свои новенькие часы. – Тринадцатого в семь вечера жду вас у себя.

* * *

Как же она ненавидела их всех! И Сивцову, и Жуана, и даже Эйнштейна. Единственным человеком в этой компании, к кому Варя не испытывала явной неприязни, был Ворон. Влада Воронина она просто боялась. Страх этот был иррациональным, абсолютно ничем не подкрепленным. Ворон не унижал ее, как Сивцова, и не выставлял посмешищем, как

Жуан с Эйнштейном, кажется, он вообще ее не замечал. А она все равно боялась: и взгляда исподлобья, и чуть снисходительной усмешки, и того, что ему вдруг тоже захочется ее унижить и оскорбить.

Этот вечер был особенно ужасным. Еще в школе на перемене Сивцова заявила, что ее мама велела Варю прийти к ним прибраться в квартире. И Варя не могла ее послушаться, потому что Юлина мама и была той самой строгой тетенькой из социальной службы, и именно от нее зависела дальнейшая Варина судьба. Во всяком случае, так ей объяснила Юлька.

«Савельева, либо ты помогаешь нам по хозяйству, либо твоего бату-алкоголика лишают родительских прав, а тебя отправляют в детдом». Вот такой получался выбор. Батрачить на чужую мерзкую тетку было унижительно, но перспектива оказаться в детском доме казалась еще хуже. И отца страшно оставлять одного – без ее присмотра он окончательно пропадет.

Варя решилась. Тем более что особой работой ее в доме Сивцовой не загружали. Постирать, погладить, пару раз в неделю сделать влажную уборку, сходить в магазин за продуктами – обычная рутина, ничего ужасного. Гораздо хуже самой работы была Юлька Сивцова. Юлька возомнила себя столбовою дворянкой, владычицею морскою, а ее, Варю, – прислугой. Сначала Варя пыталась бунтовать, но разговор с ней был короткий: не хочешь быть прислугой, иди пакуй вещи в детдом. Единственное, что Варю утешало, – это то,

что никто в классе не знал о ее унижении. До сегодняшнего вечера...

Принесла же нелегкая этих троих как раз в тот момент, когда она драила Юлькину кухню. А Сивцова, гадина такая, нет бы сказать, будто Варя зашла к ней в гости или по делу, рассказала всю правду. Правда в ее исполнении получилась несколько извращенной, про бедную сиротку и добрую Юлькину маму. Варя своими ушами все слышала, стоя за неплотно прикрытой кухонной дверью. Юлька рассказывала, а эти трое ржали. Во всяком случае, Жуан с Эйнштейном точно ржали. К горлу подкатила тошнота, а сразу же вслед за ней началось удушье. Хорошо, что ингалятор был при ней, и приступ астмы удалось вовремя остановить.

Варя думала, что на сегодняшний вечер с нее достаточно неприятностей – хватило жуановских барских закидонов, – но Сивцова считала иначе, Сивцова решила добить ее окончательно. «Савельева, ты пойдешь на эту вечеринку и не будешь сидеть с кислой рожей в углу, а станешь веселиться, как остальные. Или веселить остальных, я еще не решила».

Вечер в компании этих моральных уродов?! Может, лучше сразу в детдом? Там, по крайней мере, из нее не будут делать прислугу и посмешище.

«Можно, конечно, и не ходить, – Сивцова читала ее мысли, – но подумай о своем чокнутом папашке».

Варя подумала и согласилась. Ничего страшного с ней не случится на этой их вечеринке...

Но даже на этом ее неприятности не закончились. Когда Юлькины гости стали собираться по домам, Варя решила ускользнуть незаметно. Ей не дали...

– Савельева, ты куда это одна на ночь глядя? – Жуан поймал ее за рукав пальто, мерзко ухмыльнулся.

– Пусти! – Она дернула руку.

– Не пущу, девушкам нельзя шастать по темноте без провожатых. Ты нам на вечеринке нужна целая и невредимая.

– Отвали! – К горлу снова подкатило удушье. Варя нашла в кармане ингалятор, судорожно сжала в кулаке.

– Я же сказал, что провожу. – Ей на плечо легла тяжелая ладонь. – Пойдем, Савельева, а то жарко тут стоять.

– Видишь, Савельева, Ворону уже жарко! – заржал Эйнштейн. – Ты смотри там поаккуратнее с ним.

– Заткнись! – буркнул Ворон, выталкивая Варю из квартиры.

– Ну, куда идти? – спросил он, когда они оказались на улице.

– Ты же сказал, что тебе со мною по пути. – Легкие жгло огнем, Варя покрепче сжала ингалятор.

– Куда идти? – повторил он и посмотрел так, что спорить сразу расхотелось.

– На Чингарскую.

Не говоря больше ни слова и не оборачиваясь, чтобы убедиться, что она идет за ним, Ворон направился к выходу со двора. Варя достала из кармана ингалятор, сделала два то-

ропливых вдоха и поспешила следом.

До ее дома можно было добраться автобусом, но Ворон прошел мимо остановки, значит, решил идти пешком. Ну и дурак, автобусом было бы в десять раз быстрее.

Шли молча: Ворон впереди, Варя чуть сзади. Под ногами поскрипывал снег, мягкий морозец пощипывал щеки – красота. Точнее, была бы красота, если бы не Ворон. Мало радости разглядывать его спину, хоть бы словечко сказал...

Он сбавил шаг только возле ее дома, остановился, посмотрел сначала себе под ноги, потом на Варю, спросил:

– Савельева, зачем тебе все это?

– Что – это? – Она тоже посмотрела на снег у его ног. Снег был пушистый и красиво искрился в оранжевом свете уличного фонаря.

– На кой черт тебе эта вечеринка? – У него был такой взгляд, точно он осуждал ее за что-то. Ну конечно, кто она и кто Юлька Сивцова?! И нечего со свиным рылом в калашный ряд... Варе вдруг стало очень обидно. Еще обиднее, чем в тот момент, когда Жуан шпынял ее со сливками.

– А тебе какое дело? – спросила она зло.

– Мне? – Ворон удивленно нахмурился. – Вообще-то никакое.

– Вот и иди отсюда!

– Я так понимаю, это вместо спасибо?

– А тебя никто не просил меня провожать.

– Вообще-то Юлька просила.

Вот, значит, как! Его Юлька просила, а он такой верный рыцарь, не смог отказать прекрасной даме.

– Ладно, Влад, спасибо, – сказала она и даже нашла в себе силы улыбнуться.

– Не за что. – Он подышал на озябшие руки, а потом спросил: – Ну, так что ты решила насчет вечеринки?

– Я же уже сказала, что приду! – Мороз вдруг усилился, стал таким кусачим, что защипало глаза.

Ворон в ответ лишь равнодушно пожал плечами. Наверное, это означало, что право выбора остается за ней.

– Спокойной ночи, Савельева.

– Спокойной ночи.

У нее не было спокойной ночи. После трех дней отсутствия вернулся отец, а вместе с ним чудовищный запах перегара, сумасшествие и стая призрачных черных кошек. Вроде бы все как всегда, только с каждым разом чуть хуже. В такие моменты Варе хотелось в детдом, чтобы не видеть больше отца с его мрачной одержимостью и неуклонной деградацией. Она ненавидела себя за эти предательские мысли, запиралась в своей комнате и плакала до утра. Утром становилось легче. Утром не было никаких черных кошек и отец казался чуть менее сумасшедшим. А еще утром можно было уйти из дома. Школа – очень уважительная причина для этого.

Сегодня в школу идти не нужно, значит, день ей придется провести с отцом, а вечером... вечером в доме Жуана вече-

ринка, на которую она вроде как приглашена.

Отец проспал полдня. Он спал беспокойно: метался, вскрикивал во сне, один раз даже заплакал. Варя прибралась в доме, приготовила обед, попыталась отвлечься от невеселых мыслей книгой.

Проснулся отец, не говоря ни слова, побрел в ванную. Его не было почти час. С замиранием сердца Варя прислушивалась к шуму льющейся воды, боролась с желанием постучаться и спросить, все ли у него в порядке. Отец не любил таких вопросов, начинал злиться, упрекать ее в излишней опеке. Он всегда был зол и раздражителен, когда выходил из запоя. Варя знала, лучше набраться терпения и подождать.

Отец вышел из ванной умытый, гладко выбритый – почти нормальный.

– Здравствуй, дочка. – Он улыбнулся, хотел было поцеловать ее, но передумал.

– Привет, – она улыбнулась в ответ. – Кушать будешь?

Он отрицательно мотнул головой.

– Папа, но как же?..

– Доча, только чай.

Вот почему он был таким худым – он почти ничего не ел. Иногда вместе с чаем Варя пыталась подсунуть ему батон с маслом, но он неизменно отказывался. Отказался и на этот раз.

– Я сегодня вечером уйду, у меня ночная смена.

Когда отец не пил, он работал как проклятый, разгружал

вагоны на железнодорожной станции, иногда пять-семь ночей подряд. За ночные смены платили по двойному тарифу, и заработанных денег худо-бедно хватало на то, чтобы свести концы с концами. Сколько из этой суммы отец оставлял себе на выпивку, Варя не знала и никогда не спрашивала.

– Папа, я тоже вечером уйду. – Она отодвинула чашку с недопитым чаем.

– Куда?

– На вечеринку к Димке Жуанову.

– А когда вернешься?

Она неопределенно пожала плечами:

– Возможно, только утром.

– Утром? – Отец нахмурился, хотел что-то сказать, но Варя его опередила:

– Папа, тебя не бывает дома по нескольку дней, – она не хотела его задеть, только констатировала факт, – в это время меня никто не контролирует. Скажи, у тебя когда-нибудь были со мной проблемы?

Отец горько усмехнулся, покачал головой:

– Доча, боюсь, у тебя со мной гораздо больше проблем.

– Так, может, попробуешь закодироваться? – Она не раз поднимала этот вопрос, но ответ на него всегда был неизменным:

– В этом нет необходимости, у меня все под контролем.

Варя молча кивнула, спросила скорее для проформы:

– Так что насчет вечеринки?

– Обещаешь быть благоразумной? – Еще один чисто формальный вопрос.

– Да, папа, обещаю.

Отец ушел в пять вечера. Для того чтобы собраться, у нее оставалось еще уйма времени. Главное, понять, что от нее ждут на этой вечеринке. Если интуиция не подводит, Сивцова и компания рассчитывают повеселиться. Ладно, время покажет.

Варя распахнула шкаф. Вот где пригодятся подарки тети Тони. Чем вечеринка не повод для того, чтобы надеть вот это черное платье, и вот эти туфли, и чулки, которые, как написано на упаковке, сделаны не где-нибудь, а в самой Франции? А еще у нее есть чудесное белье. Белье, конечно, никто не увидит, но сам факт, что на ней будут новые и очень стильные вещи, грел душу. Сивцова надеется, что она выставит себя на вечеринке посмешищем? Так вот не дождется! Она им всем покажет: и Юльке, и Жуану с Эйнштейном, и... Ворону. Особенно Ворону.

Варя достала одежду – самое время приступить к примерке. Платье сидело идеально – спасибо, тетя Тоня! – и туфли, несмотря на высокую шпильку, были очень удобными, а белье и чулки выглядели так, что в том, что сделаны они не где-нибудь, а в самой Франции, не оставалось никаких сомнений, во всяком случае, у самой Вари. Еще нужно решить, что делать с волосами. Стоит ли укладывать их как-то по-

особенному или оставить распущенными? Варя покрутилась перед зеркалом и так и этак и пришла к выводу, что мудрить с прической не нужно, в простоте тоже есть свой шарм. В общем и целом то, что она увидела в зеркале, ей понравилось. Не хватало только маленькой детальки...

Медальон в виде кошачьей мордочки, прощальный подарок мамы, придал картине законченность, а Варе уверенность в собственных силах. Немного удручало только то, что поверх такой красоты придется накинуть затрапезное драповое пальтишко с воротником из искусственного меха. Да и в туфлях по снегу не поскачешь, надо надеть сапоги, а туфли взять с собой.

Варя как раз набросила на плечи пальто, когда в дверь позвонили. Может, отец почувствовал себя плохо и решил не ходить сегодня на работу?

За дверью маялись двое: Эйнштейн и Ворон.

– О, видишь, Ворон, Варька уже оделась! – Эйнштейн толкнул приятеля в бок. – А ты говорил, что она не пойдет. С тебя бутылка пива.

– Привет, Савельева, – буркнул Ворон, не глядя в ее сторону.

– Что вы здесь делаете? – Она намеренно не ответила на приветствие.

– За тобой пришли, – встрял Эйнштейн. – Ты же у Жуана никогда не бывала раньше, вот мы и решили, что тебя надо проводить.

– Вы решили? – Она сунула сверток с туфлями под мышку. – Или за вас Сивцова решила?

– А с чего бы вдруг такой сарказм? – Это уже Ворон, смотрит исподлобья, хмурится. – Вы же вроде как с Сивцовой подруги.

– Тебе показалось. – Она не стала уточнять, что именно ему показалось: то, что они с Сивцовой подруги или сарказм в ее голосе. Если не дурак, сам поймет.

– Ну, ты готова? – Эйнштейн нетерпеливо подпрыгнул на месте. – Если готова, то давай побежали, а то водка стынет...

* * *

Савельева попала не в бровь, а в глаз: стали бы они за ней заезжать, если бы не Юлька. Юлька считала, что, если позволить, Савельева просто не явится на вечеринку. По мнению Влада, это было бы самым оптимальным решением, но Варька, дуреха, думала иначе. Им с Эйнштейном даже не пришлось ждать, когда она соберется.

Димка Жуанов жил в частном доме. Не в одной из тех хибар, которыми была застроена третья часть города, а в добротном двухэтажном коттедже, обнесенном высоченным кирпичным забором. За закрытыми железными воротами лениво побрехивал Лорд, огромный кавказец с устрашающей внешностью и добрейшим характером. Эйнштейн нажал на кнопку звонка, и через минуту с той стороны слы-

шались торопливые шаги. Лорд тут же перестал лаять, радостно заскулил.

– Кто там? – спросил бдительный Жуан.

– Свои! – заорал Эйнштейн. – Димос, открывай, а то мы тут сейчас в ледышки превратимся.

Лязгнул замок, гостеприимно распахнулась калитка.

– Быстро вы, однако, – одобрительно сказал Жуан, пропуская их во двор.

– Просто Савельевой не терпелось попасть на вечеринку, – буркнул Влад.

Они шли по засыпанной снегом дорожке, когда Лорд сошел с ума. С грозным рычанием пес рванулся вперед, прямо на окаменевшую от страха и неожиданности Варьку. Цепь натянулась до предела, громко лязгнула, застонала под напором стокилограммовой беснующейся псины. Влад никогда не видел бешеных животных, но то, что творилось сейчас с Лордом, было очень похоже на бешенство: и яростный вой, и кровавая пена на клыках.

– Твою мать! – Он дернул за шиворот застывшую соляным столбом Варьку и оттащил подальше от пса. – Жуан, что это с ним?!

Жуан попятился, сказал испуганно:

– Сам не пойму, раньше он так себя никогда не вел.

Рык тем временем перешел в протяжный вой, от которого волосы на загривке стали дыбом и захотелось посмотреть на небо, убедиться: а не полнолуние ли? Варька испуганно

всхлипнула, спряталась за спину Влада.

– Ребята, может, войдем в дом, пока он с цепи не сорвался? – предложил Эйнштейн и, не дожидаясь остальных, побежал к крыльцу.

– Идем, что стала?! – Влад дернул Савельеву за рукав, потащил к дому.

– Что это было? – В холле их уже ждала Юлька. – Дима, что случилось с твоей собакой?

– А хрен знает, что с ней случилось, – буркнул Жуан и строго посмотрел на Варьку: – Савельева, ты его дразнила?

– Кого?

– Лорда!

– Я?! – она затрясла головой.

– Никто его не дразнил, – сказал Влад. – Он на нее ни с того ни с сего накинулся.

– Слышь, Жуан, может, его того... к ветеринару надо? Может, у него бешенство? – озвучил подозрения Влада Эйнштейн.

– Хорошо, что я его на цепь посадил, – Жуан вытер вспотевший лоб, – а то бы он нашу Савельеву порвал на британский флаг.

От этих слов Варька побледнела, зачем-то стала обшаривать карманы пальто.

– Ты что-то забыла? – спросил Влад.

– Нет, все нормально. – Она достала из кармана что-то маленькое и спрятала в кулаке.

Влад пожал плечами – не хочет говорить, не надо. А с Лордом и в самом деле творится что-то странное...

– Ну, что же вы стоите, как статуи? Раздевайтесь и проходите в гостиную! – скомандовала Юлька. – Мы с Димочкой уже и на стол накрыли.

То, как она это сказала, и то, как по-хозяйски обнял ее за талию Жуан, Владу очень не понравилось. Значит, вот оно как, пока они с Эйнштейном мотались за Савельевой, Жуан преспокойно обхаживал Сивцову. Ну ладно, впереди еще целый вечер и даже ночь, и еще неизвестно, кто останется в выигрыше.

Влад разулся, стащил куртку и шапку, не обращая внимания на остальных, прошел в просторную, ярко освещенную гостиную. О том, что вечеринка будет не простая, а старинно-новогодняя, красноречиво свидетельствовала огромная, до самого потолка, живая елка, разноцветные электрические гирлянды на окнах и терпкий запах хвои. А еще стол с закусками, бутербродами и фруктами. И столик поменьше со спиртным. Влад пробежал взглядом по батарее бутылок, удивленно присвистнул. Такого широкого ассортимента он не видел даже в винно-водочном отделе.

– Думаешь, мы все это осилим? – спросил он у подошедшего Жуана.

– Ну, не выпьем, так поотхлебываем, – отмахнулся тот. – Не бойся, Ворон, от родаков нам не влетит. Они и сами толком не знают, что у них есть в винном погребе. Бате все

носят и носят, а у него со здоровьем проблемы, вот он это добро и складировает.

– Ух, ты! А жратвы-то сколько! – Эйнштейн заграбастал со стола бутерброд, откусил сразу половину и сказал с набитым ртом: – Вот за что я люблю дона нашего Жуана, так это за хлебосольность.

– Да подожди ты, обжора! – Юлька шлепнула его по руке.

– А кого ждать-то? – Эйнштейн огляделся. – Все вроде бы в сборе.

– Ну как же, – Юлька кокетливо поправила бретельку на самом настоящем вечернем платье с разрезом до середины бедра и умопомрачительным декольте, – а принцесса наша Савельева?

Разглядывая декольте, Влад поймал себя на мысли, что никакая другая принцесса, кроме Сивцовой, им тут на фиг не нужна.

– Не надо меня ждать, я уже здесь, – слышался за их спинами голос Савельевой.

Отвлекаться от декольте не хотелось, но у Юльки вдруг сделалось такое лицо, что Влад решил посмотреть, что там на сей раз не так с Савельевой. Оказалось, там все не так. Не в смысле плохо, а в смысле по-другому. Казалось бы, он ее уже сегодня видел: и пальтишко ее простенькое, и вязаную шапочку, и дерматиновые сапожки. Казалось, его уже ничем не удивишь, а она взяла и удивила.

То, что одежда меняет человека, Влад догадывался, но и

представить не мог, что перемены могут быть такими радикальными. До сих пор безоговорочной красавицей и стильной штучкой в их школе считалась Юлька Сивцова, а тут, оказывается, у нее появилась конкурентка, да еще какая – Варька Савельева...

Как всякий уважающий себя мужик, Влад в первую очередь обратил внимание на очевидное – стройные девичьи ножки, затянутые в черные чулки. Он почему-то сразу решил, что это именно чулки, глянцево-гладкие, с ажурным кружевным краем. Платье тоже было черным, не то бархатным, не то трикотажным – он плохо разбирался в таких вещах. Ясно было одно – это какое-то особенное платье, коль уж нескладная Савельева выглядела в нем как топ-модель. Хотя если разобраться, то ничего особенного в нем нет: ни разреза до середины бедра, ни соблазнительного декольте, а рукава так и вовсе длинные.

Единственное, с чем не произошло радикальных перемен, так это с Варькиным лицом: та же привычная бледность и минимум косметики, только в глазах вместо затравленности гремучая смесь из смущения и отчаянной решимости.

– Обалдеть! – выразил общее мнение Эйнштейн. – Савельева, это ты?!

Она нервно дернула плечом, попыталась улыбнуться.

– А что с тобой? – Жуан подошел к ней вплотную, осмотрел со всех сторон, озадаченно поскреб на подбородке редкую щетину.

– Ты ограбила магазин? – Сивцова растянула губы в вымученной усмешке.

– Нет, всего лишь перетряхнула свой гардероб, – улыбнулась Варька в ответ.

– И много в твоём гардеробе вот таких шмоток?

– Вот таких больше нет. Зачем нужны одинаковые вещи?

– Интересная побрякушка, – Сивцова поддела ногтем висящей на Варькиной шее медальон. Влад придвинулся поближе, чтобы рассмотреть «побрякушку». – В галантерейном покупала?

Савельева поморщилась, отступила на шаг, медальон на ее шее сверкнул так, как не может сверкать ни одна «побрякушка из галантерейного». Да и выглядел он уж больно необычно: кошачья мордочка с зелеными камешками вместо глаз и длинными острыми ушками, чем-то похожими на рожки, этакая забавная смесь кошки с чертиком. Во всяком случае, Владу так показалось.

– Ладно, ребята, мы же не для того здесь собрались, чтобы рассматривать Варькину бижутерию! – Жуан громко хлопнул в ладоши. – Сегодня ж праздник – старый Новый год! Предлагаю для затравки шандарахнуть по бокалу шампанского, а уже после этого перейти к более существенным напиткам.

Предложение было принято с энтузиазмом, даже Савельева улыбнулась.

Вечеринка, задуманная как европейская пати с фуршетным столом, приглушенной музыкой и разговорами вполголоса, медленно, но неуклонно скатывалась к обычному русскому застолью. Оказалось, что есть с одноразовых пластиковых тарелок, сидя на диване, очень неудобно. В первые же десять минут Эйнштейн умудрился заляпать ковер кетчупом. Да и с выпивкой получалась ерунда: каждый раз, чтобы наполнить бокалы, приходилось вставать и плестись к сервировочному столику. В общем, через пару таких заходов единогласно было решено придвинуть стол к дивану, выставить на него самые ходовые напитки и больше не маяться всякой там буржуазной дурью. С выпивкой тоже решили не мудрить: Влад с Эйнштейном остановили свой выбор на армянском коньяке, Жуан потягивал виски, Юлька смаковала мартини, а Савельева... а Савельева почти ничего не пила. Первым это безобразие заметил Жуан, посмотрел зорким взглядом на ее почти полный бокал, нахмурился:

– Эй, Варвара, а что это ты не пьешь? Я тут стараюсь всем угодить, а ты нос воротишь. Ай, как некрасиво! Давай-ка я тебе хоть обновлю...

– Не надо, – она накрыла свой бокал ладонью.

– Почему? – Жуан обвел присутствующих недоуменным взглядом.

– Я не пью.

– Это я уже понял. Я спрашиваю, почему ты не пьешь?

– Она не пьет, потому что боится стать такой же, как ее па-

паша, – сказала Юлька, накалывая на вилку маслину. – Что, Варя, переживаешь, что алкоголизм передается по наследству?

– По наследству передается глупость, – Савельева вздернула подбородок, и зеленые камешки на «кошачьем» медальоне заискрились, – а я ничего не боюсь.

Сивцова сощурилась:

– Ну, так, если ты такая смелая и ничего не боишься, докажи! Выпей бокал до дна! Или слабо?

– Пей до дна, пей до дна! – заорал дурным голосом Эйнштейн и незаметно подмигнул им с Жуаном.

Секунду Савельева колебалась, а потом решительно взяла бокал с шампанским.

«Вот так и рушатся неприступные крепости, – лениво подумал Влад, – камешек за камешком, бокал за бокалом».

Она выпила шампанское совсем не по-женски, а отчаянно, по-гусарски, поставила бокал на стол, обвела всех взглядом, спросила вроде бы вежливо, но в то же время с вызовом:

– Все? Вы довольны?

– Мы довольны, Варя. Ты даже представить себе не можешь, как мы довольны, – улыбнулся Жуан. – А знаешь почему? Потому что это вечеринка. На вечеринке надо веселиться, а не сидеть с кислой миной, точно на поминках. Вот ты сейчас выпила, очень скоро тебе захорошеет и жизнь станет в кайф.

Влад при этих словах усмехнулся. Ну, захорошет ей, мо-

жет быть, и не захорошеет, а вот тормоза откажут – это сто процентов. Шампанское – вещь коварная, пьется как лимонад, а крышу сносит иногда похлеще водки. Особенно вот таким неискушенным. По всему видать, Жуан с Эйнштейном решили воплотить в жизнь свой иезуитский план по спаиванию Савельевой. Первый шаг уже сделан, дальше дело пойдет легче.

Его догадки и по поводу коварного плана, и по поводу Варькиной реакции, оказались верны. Не то чтобы она враз захмелела, но бдительность все-таки утратила. Это было заметно по непривычной для Савельевой расслабленности и рассеянной улыбке. Ведь наклюкается же дура. Хотя ему-то какое дело? У него есть занятие поинтереснее, чем отслеживать этапы Варькиной деградации, на него вон Сивцова смотрит так... многообещающе.

Вечеринка катилась плавно и неспешно и вскоре достигла того момента, когда сидеть за столом стало скучно, захотелось встряхнуться, разогнать молодую кровь. Кровь к тому времени была уже изрядно приправлена алкоголем не только у Влада, но и у остальных. Даже Савельева перестала затравленно жаться в угол и включилась в общее веселье.

Юлька пожелала танцевать, и Жуан врубил музыкальный центр. Владу танцевать не хотелось, но не отставать же от остальных. И Варька решила не отставать. Сначала у нее получалось не очень, чувствовалось отсутствие практики, но довольно быстро она уловила ритм, и началось...

Девчонка зажигала так, что даже у Жуана от изумления вытянулось лицо. Вот тебе и отличница, вот тебе и тихоня. Все-таки шампанское – это страшная сила, можно сказать, двигатель прогресса. Перемены, произошедшие с Савельевой, особенно порадовали Эйнштейна, у которого, помимо физики, была еще одна страсть – танцы. На сегодняшний вечер он был обеспечен партнершей – весьма пластичной и неутомимой. Честно говоря, получалось у них с Савельевой лихо, а классика жанра, танец Умы Турман и Траволты из «Криминального чтива», так и вообще отпадно. Но, несмотря на всю эту красоту и веселье, Влада не отпускало чувство легкой неудовлетворенности происходящим. Причина этой неудовлетворенности вскрылась, когда Жуан с загадочной улыбкой поставил «медляк» и на правах хозяина вечеринки заграбастал себе Юльку Сивцову, а Эйнштейн уже тянул свои лапы к Савельевой. Влад опередил его на долю секунды:

– Потанцуем?

– С тобой? – Она растерянно улыбнулась.

– Ну, с Эйнштейном ты уже танцевала, Жуан занят. Остаюсь только я.

– Хорошо, только у меня это не слишком хорошо получается.

– Что – это? – уточнил он.

– Танцевать.

– Ерунда, нет ничего сложного.

Оказалось, он погорячился. Танцевать с Савельевой было очень сложно. Сначала она долго не решалась обнять его за шею, потом нервно вздрогнула, когда он положил руки ей на талию, и продолжала вздрагивать всякий раз, если его ладони смещались хоть на сантиметр выше или, упаси господь, ниже. Да и двигалась она как робот, неуклюже и неуверенно. Может, если не форсировать события, то к концу танца удастся сократить пионерское расстояние, их разделяющее...

Музыка закончилась неожиданно. Влад только-только начал входить во вкус, когда Юлька Сивцова не терпящим возражений голосом объявила:

– К черту танцы! Надоел этот детский сад! Хочется азарта и адреналина!

– И что ты предлагаешь? – спросил он, убирая руки с талии Савельевой.

– Не знаю, – Юлька капризно пожала плечами. – Придумайте что-нибудь, вы же мужчины.

– А я уже придумал! – Жуан хитро сощурился. – Бильярд!

– Бильярд? – разочарованно протянул Эйнштейн. – Не, я пас.

– А что, это идея! – оживилась Юлька. – Люблю смотреть, как мужчины играют на бильярде. – Ворон, ты как, не против?

– Я не против. – Влад посмотрел на часы – время перевалило за полночь. Надо же, а он и не заметил.

– Тогда берем горючее и топаем в бильярдную! – скомандовал Жуан.

У Влада было правило – никому и никогда не завидовать, во всяком случае, стараться не давать воли этому гадкому чувству, но у Жуана было кое-что покруче дорогих часов, кое-что, чему он завидовал даже не белой, а черной завистью. Набор для игры на бильярде: выписанный из самой Неметчины стол, стройные ряды киев, разномастные шары. Играть на бильярде любил Димкин отец, ну и Димка, разумеется, у него кое-чему научился. А Владу приходилось тренироваться во Дворце культуры, где по субботам за облезлым столом с истертым до дыр буро-зеленым сукном резались в русскую пирамиду суровые дядьки с внушительными пивными животами и неистребимой тоской в глазах.

Сначала он просто наблюдал за чужой игрой, а когда дядьки привыкли к наглому пацану, отважился и сам сыграть. Конечно, его разбили в пух и прах, но Иван Савельевич, негласный предводитель бильярдного братства, сказал, что со временем из него может выйти толк, и даже согласился показать парочку профессиональных приемов.

В общем, спустя полгода регулярных тренировок Владу удалось-таки положить на лопатки Жуана. С тех пор между ними велось негласное соревнование, в котором с переменным успехом побеждал то один, то второй.

Иногда «погонять шары» изъясляла желание Юлька. Играть у нее получалось не очень хорошо, зато позы у бильярд-

ного шара она принимала весьма эффектные, во всяком случае, для мужского глаза.

– Все как всегда? – спросил Влад, обходя стол по периметру. – Играем на деньги?

Жуан отрицательно мотнул головой:

– Не, на деньги неинтересно. Сегодня же такой вечер особенный, значит, и ставки должны быть особенными.

– Например?

– Ну, может, на желание?

– На желание?! – Юлька стала между ним и Жуаном, погладила зеленое сукно. – На желание – это несерьезно, мальчики.

– У тебя есть идея? – Жуан подался вперед.

– Есть, – она кивнула, искоса посмотрела на Савельеву и сказала: – Варя, я забыла в гостиной мартини. Может, принесешь, а? Заодно и себе шампанского бы захватила.

Прежняя Савельева непременно почувствовала бы в этой просьбе подвох, но сейчас Варька была слегка пьяна и от этого глупа и доверчива. Юлька подождала, когда за ней закроется дверь, и только потом заговорила:

– Мальчики, предлагаю запредельную ставку. – Она задумчиво побарабанила пальцами по столу. – Я же вам нравлюсь, ведь так?

Они синхронно кивнули – отрицать очевидное было глупо.

Юлька удовлетворенно улыбнулась:

– В таком случае, думаю, победитель не будет возражать, если в качестве главного приза ему достанусь я?

– В каком смысле? – спросил Жуан придушенным от волнения шепотом.

– В том самом смысле, Димочка, – Юлька потрепала его по загривку. – Хочу принадлежать победителю, – она перевела взгляд на Влада.

Тот нервно сглотнул. Да, лихо развиваются события, ничего не скажешь.

– Кто-нибудь против? – спросила Юлька и кокетливо поправила сползшую бретельку.

– Нет, – ответили они хором.

– Я так и думала, только у меня есть одно условие.

– Любой каприз прекрасной дамы! – расплылся в улыбке Жуан.

– Я люблю победителей и терпеть не могу побежденных. – Юлька понизила голос до шепота: – Мое условие: победитель проведет эту ночь со мной, а проигравший – с Савельевой.

В воцарившейся тишине было отчетливо слышно, как Юлькины коготки царапают сукно стола.

– А это в каком смысле? – первым в себя пришел Жуан.

– В том самом.

– А если она не захочет?

– А кто ее будет спрашивать? – Юлька скривила губы в презрительной улыбке. – Или вы думаете, что, в случае чего, она станет кому-нибудь жаловаться?

– А ты стерва, Сивцова, – сказал Влад и сам не понял, чего в его словах было больше: восхищения или осуждения.

Ответить она не успела – дверь в бильярдную распахнулась, и вошла Савельева с двумя начатыми бутылками в руках.

– Мартини больше нет, и я взяла другую бутылку. Можно? – Она вопросительно посмотрела на Жуана.

– Варя, да ради бога! Бери, что хочешь, – сказал он тоном гостеприимного хозяина.

– Ну, так что мы решили? – нетерпеливо спросила Юлька.

– Я согласен. – Жуан не раздумывал ни секунды. – Ворон, а ты как?

А он? Вообще-то условия игры идиотские, но уж больно заманчивый приз. К тому же в последнее время он больше выигрывал, чем проигрывал...

– Я согласен!

О, это был настоящий бой: не на жизнь, а на смерть! Ничего удивительного, принимая во внимание ставку. Ну, Юлька! Это ж надо до такого додуматься!

Играли в русскую пирамиду. Жуановский-отец считал американский пул игрой несерьезной, предназначенной исключительно для желторотых юнцов, поэтому стол у него был специальный, исключительно для игры в пирамиду: основательный, тяжеленный, весивший, по словам Жуана, едва ли не тонну. Во Дворце культуры столик был попроще – никакого эксклюзива, обычная фабричная работа, – но сделан-

ный с той же немецкой основательностью. Владу он казался роднее и привычнее. Хотя, по большому счету, какая разница, за каким столом играть? Было бы умение да везение.

Он выиграл три партии подряд и почти уверился, что фортуна нынче к нему благосклонна. Жуан хмурился, вполголо-са поругивался после каждого промаха, а Юлька... Юлька смотрела на Влада так, словно он уже победитель: многозначительно и многообещающе, так, что аж мурашки по коже. Наверное, если бы не эти мурашки, он бы играл еще лучше, а так постоянно отвлекался на Юльку да на дилетантские комментарии Эйнштейна.

Савельева тоже следила за игрой очень внимательно, точно каким-то шестым чувством понимала, чем лично для нее закончится этот поединок. Да, бедная Савельева, ночь с Жуаном – это ж какая психологическая травма для неустойчивой девичьей психики.

– За кого болеешь? – спросил Влад в перерыве между третьей и четвертой партией, просто так, куража ради.

А она покраснела, сказала едва слышно:

– За тебя.

– Видишь, Ворон, какой парадокс. – Юлька улыбнулась, и от этой улыбки на душе как-то вдруг сразу стало паршиво, а все «мурашки» осыпались на пол.

Да, действительно парадокс. Савельева, наивная душа, болеет за него и того не ведает, что ждет ее в случае его победы. Жуан, он ведь такой – церемониться не станет, уязв-

ленное самолюбие значит для него гораздо больше, чем какая-то Варька Савельева. Да и не боится Жуан ничего. Если что, всесильный папочка прикроет, защитит кровиночку. Тем более что и защищать особо не от кого, за Варькой же никого нет, кроме отца-алкоголика. Эх, дура! Ведь предупредал же, чтобы не совалась на вечеринку! Не послушалась, приперлась...

Четвертую партию Влад проиграл, как, впрочем, и все последующие. Отдал игру практически без боя. Проигрыш этот был воспринят по-разному. Жуан на радостях шандарахнул стопарь неразведенного вискаря, хозяйским жестом привлек к себе Юльку. Юлька, которая, по мере того как менялся ход битвы, мрачнела все сильнее, нервно дернула плечом и даже попыталась уклониться от жуановского поцелуя, но не тут-то было. Жуан был не из тех, кто упустит свое, и Юльку считал своим заслуженным боевым трофеем. Ведь никто ее за язык не тянул, сама так решила, совершенно добровольно.

– Ну что же ты, Ворон, так облажался? Я бы и то лучше сыграл. – По тому, как Эйнштейн сочувственно похлопал его по спине, стало ясно, на чьей стороне были его симпатии.

– Ничего, Ворон, как говорится, не везет нам в картах, повезет в любви, – усмехнулся Жуан и бросил многозначительный взгляд на Савельеву.

– Что? – спросила та растерянно.

Видимо, почувствовала какой-то подвох, но по простоте душевной не смогла сообразить, какой именно. Да и откуда

ей было додуматься, дурехе? Она же, наверное, до сих пор в куклы играет.

В душе поднималось и набирало силу раздражение. Чтобы погасить его, Влад отхлебнул коньяк прямо из бутылки.

– Решил выпить, Ворон? – Юлька, ехидно улыбнувшись, обвила руками шею Жуана. – Ты, главное, смотри не переусердствуй, а то мало ли что.

Если раньше у Влада и были какие-то сомнения и сожаления, то после этих слов они исчезли. Просто вдруг стало ясно, что Сивцовой, по большому счету, все равно, чьим трофеем быть: его или Жуана. И чувство соперничества тут совершенно ни при чем, просто он не хочет иметь никаких особенных отношений с девушкой, которой все равно. Это вопрос даже не этики, а элементарной брезгливости.

– Ты, Юль, за меня не переживай. – Влад аккуратно поставил бутылку на место.

– А я не за тебя переживаю, Ворон, я за Савельеву переживаю. – Сивцова улыбалась, но в голосе отчетливо слышалось раздражение.

– И за нее не переживай. – Влад перевел взгляд с Сивцовой на растерянно хлопающую ресницами Савельеву.

– А зачем из-за меня переживать? – спросила та со смесью удивления и неистребимого женского любопытства.

– Я же говорю – не из-за чего, – буркнул Влад.

– Ну, это, может, тебе все кажется таким простым, Ворон. Ты же у нас парень бывалый. – Юлькин взгляд не предвещал

ничего хорошего. – А Варвара девушка воспитанная, ей ночевать в одной спальне с мужчиной еще не доводилось. Или доводилось? А, Савельева?

Вопрос потонул в довольном ржании Эйнштейна и Жуана.

– Юль, ты о чем? – Взгляд Савельевой стал настороженным.

– Да ни о чем. – Юлька небрежно махнула рукой. – Мы тут спальные места распределяем.

– И что?

– И то, что тебе придется перекантоваться с Вороном.

– Почему с Вороном? – спросила Варька испуганно.

– Потому что по-другому никак не получается. У Жуана дом хоть и большой, но на втором этаже идет ремонт, на каждого комнат не напасешься. Ясно?

– Так, может, я лучше с тобой?

– Со мной?! – Юлька округлила глаза, сказала снисходительно: – Со мной, Варечка, будет спать Жуан, а с тобой, стало быть, Ворон.

Лицо Савельевой так стремительно утратило все краски, что Влад окончательно уверился в том, что версия про кукол и непростительную неискушенность этой дурехи верна на сто процентов. Впрочем, надо отдать ей должное, замешательство длилось недолго.

– А может, лучше Ворон ляжет с Эйнштейном, а я одна?

– Ничего не выйдет, Эйнштейн должен спать один, – Юлька нетерпеливо мотнула головой.

– Почему?

– Потому что у него чесотка, его вообще надо изолировать. Правда, Лешка?

В ответ Эйнштейн кивнул и демонстративно поскреб тощее пузо.

Савельева молчала долго, так долго, что Влад успел проследить, как нездоровая бледность сменяется ярким румянцем, а потом решительно сказала:

– Будет лучше, если я поеду домой.

– Она поедет домой! – нараспев повторила Сивцова. – А на чем ты поедешь? Ночь на дворе, автобусы не ходят.

– Я пешком.

– Пешком ты, Савельева, в лучшем случае к утру доберешься. Нет, я, как хозяин дома, на это пойти не могу, – поставил точку в их препирательствах Жуан. – Если с тобой, не дай бог, что-нибудь случится, кому отвечать? Вот именно – мне!

– Ничего со мной не случится! – Варька упрямо тряхнула головой.

– Ну, я бы не зарекался. До города пять километров по трассе пилить. Так что не дури, Савельева, завтра вместе со всеми поедешь. И не надо бояться Ворона, он тебя не укусит. Правда, Ворон?

– Не укушу, – процедил Влад и отвернулся.

– Все, дискуссия окончена! – Сивцова хлопнула в ладоши. – Давайте веселиться!

Веселиться не получалось, во всяком случае, у Влада. Уж больно муторно было на душе. Савельева тоже особой радости не выказывала: слонялась по дому как привидение, не улыбалась, не танцевала. Поговорить с ней, что ли, сказать, чтобы не парилась, что она ему и даром не нужна? Он бы, наверное, и поговорил, если бы Варька куда-то не исчезла.

Сначала Влад ничего такого не заподозрил – мало ли, какие у девчонки могут быть дела. Может, забилась в какой-нибудь темный угол и плачет над своей горькой долюшкой. Хотя вряд ли плачет, эта не из таких. Эта зубы стиснет и будет терпеть, батрачить на чужую тетю и улыбаться. Тоже еще Золушка выискалась...

Громкая музыка давила на барабанные перепонки, от мельтешения подсветки рябило в глазах. Захотелось на свежий воздух, проветриться. Влад как раз надевал куртку, когда снаружи послышался душераздирающий собачий вой.

Савельева! Идиотка! Велено же было сидеть и не рыпаться...

Они совсем забыли про Лорда и его бешенство. И Варька тоже забыла. Мало того, она, кажется, сама сошла с ума вслед за псом, потому что как иначе объяснить открывшуюся взгляду картину.

Лорд, рвущийся с цепи и уже не воющий, а захлебывающийся жутким утробным рыком, от которого мороз по коже, и Савельева, застывшая на подъездной дорожке. От разверстой пасти с хлопьями кровавой пены тонкую цыплячью

шею отделяют сантиметры. Еще чуть-чуть, и все...

– Варька! – Влад кубарем скатился с крыльца. – Уходи оттуда немедленно!

Она не послушалась. Хуже того, она его не услышала. И пес не услышал...

Это было похоже на дуэль: горящие красным глаза Лорда и горящие зеленым глаза Савельевой. Мистика и чертовщина...

– Варя! – Владу понадобились все его силы, чтобы оттащить девчонку с дорожки.

Она вроде бы и не сопротивлялась, но худенькое девичье тело казалось таким тяжелым, точно отлитым из чугуна, а в широко распахнутых глазах не было ничего. То есть совсем ничего...

– Эй. – Он тряхнул Варьку так сильно, что ее голова с глухим стуком ударилась о кирпичный забор. В остекленевших, все еще отсвечивающих зеленым глазах мелькнуло что-то вроде узнавания, а бескровные губы растянулись в жалком подобии улыбки:

– Воронин, что ты здесь делаешь?

– Что я здесь делаю?! – Ему вдруг захотелось ее ударить, так сильно, чтобы окончательно выбить поселившееся в ней безумие. – Это ты что здесь делаешь?!

– Я шла домой. – Она моргнула, с ресниц сорвалась слезинка, скатилась по бледной щеке.

– Да? А по пути решила поиграть в гляделки с Лордом!

– Какие гляделки? Что ты такое говоришь?.. Я просто...

Влад ее не слушал: не мог отвести взгляд от медленно заваливающегося на бок пса. Лорд больше не бесновался, он с тихим, ну точно человеческим стоном тер лапой морду, словно пытался смахнуть с нее что-то невидимое, но осязаемое, смотрел в их сторону удивленно и... испуганно. Точно, испуганно.

– Что ты с ним сделала?

– Я?!

– Да, ты! Сначала он бросался на тебя как сумасшедший, а потом стал вот таким. – Влад требовательно посмотрел на жмущуюся к стене Савельеву.

– Я ничего не делала, – прошептала она и со свистом втянула в себя воздух. – Воронин, со мной что-то не так...

Да, с ней точно было что-то не так: девушку била крупная дрожь, и дышала она как загнанная лошадь. Наверное, это последствия стресса, во всяком случае, Владу хотелось так думать, потому что, если это что-то другое, значит, ситуация выходит из-под контроля, а это очень плохо.

– Все нормально, – он прижал ее к себе, – только давай без истерик.

Она отстранилась, но послушно кивнула. Это хорошо, это еще один шаг прочь от безумия. Может быть, все не так уж и страшно...

Рано радовался. Савельева не собиралась делать этот шаг. Она тихо всхлипнула и принялась обшаривать карманы сво-

его пальто, а потом, так и не найдя то, что искала, побледнела еще сильнее. И не побледнела даже, а посинела...

– Что?.. – спросил Влад испуганно.

– Ингалятор пропал. – Судорожным движением она сдернула с шеи шарф.

– Какой ингалятор?!

– С лекарством. Влад, мне нечем дышать...

– Как он выглядел?

– Маленький баллончик. – Она упала на колени, уперлась руками в землю.

Ингалятор, маленький баллончик... Черт, где же его искать?.. Влад бестолково закружился на месте.

...Ингалятор лежал всего в нескольких сантиметрах от Лорда. Вот так: тут бешеная псина, там задыхающаяся девочка, и вот он, ингалятор, только руку протяни. Влад протянул...

Ничего катастрофического не случилось, Лорд даже не двинулся с места, только слабо вильнул хвостом. А Варька к тому времени уже лежала ничком на снегу...

– Эй! – Влад приподнял ее, прислонил спиной к стене. – Вот, я нашел твой ингалятор. Что с ним надо сделать?

К счастью, ему не пришлось мучиться с этой медицинской штуковиной, достаточно было просто вложить ее в Варькину ладонь. Остальное Савельева сделала сама. Всего два вдоха из ингалятора – и случилось маленькое чудо, дыхание выровнялось, губы порозовели, а из глаз исчез животный ужас.

– Ну и напугала ты меня, Савельева, – сказал Влад и вытер покрытый испариной лоб.

* * *

– Ну и напугала ты меня, Савельева, – сказал Ворон, и в тот самый момент Варя осознала себя живой: мокрой, напуганной до полусмерти, сидящей на голой земле, но упоительно живой. Наверное, она бы разревелась от облегчения, если бы не пристальный взгляд Ворона.

– Все нормально? – Он опустил на снег рядом с ней, прижался спиной к стене.

– Да, спасибо. – Она улыбнулась и подняла лицо вверх, к небу. Небо было черным-черным, а луна и звезды казались неестественно яркими. Красиво...

– ...Что это вы тут устроили?! – удивленный голос Сивцовой вернул ее на землю.

Вся троица – Сивцова, Жуан и Эйнштейн – стояли на крыльце и смотрели на них с Вороном со смесью удивления и жгучего любопытства.

– Я слышал, Лорд снова выл. – Жуан сошел на дорожку, остановился на безопасном расстоянии от безучастно лежащего на земле пса. – Черт, что это с ним?

– Эх, Димочка, – Юлька, грациозно покачивая бедрами, спустилась с крыльца, но направилась не к Жуану, а к Варе и Вороном, – вместо того чтобы о людях думать, о собаке

печешься. Что с тобой, Варвара? Чего это вы тут расселись на морозе?

– Да все нормально! – Ворон встал на ноги, помог подняться Варю. – Просто Савельева перебрала шампанского, вышла проветриться, а тут Лорд.

Слава богу, ни слова про ингалятор и астму.

– А ты, значит, как верный рыцарь бросился спасать прекрасную даму? – Юлька подозрительно сощурилась.

– Ну, типа того. Нельзя оставлять товарища в беде, – он нисколько не смутился, покровительственно похлопал Варю по спине, – тем более не совсем трезвого товарища. Да, Савельева?

Варя молча кивнула. Лучше пусть остальные считают, что она перепила.

– Ребята, по-моему, Лорд спит, – сообщил Жуан и даже отважился погладить пса по голове.

– Или спит, или сдох, – подал голос Эйнштейн, который так и не спустился с крыльца.

– Типун тебе на язык! Тоже скажешь – сдох! Просто уснул. – Жуан отошел от Лорда. – Хотя, конечно, все это очень странно. Савельева, ты его ничем не кормила?

– Я?! Чем?

– Ну не знаю, может, сунула ему какую-нибудь гадость.

– Ничего я ему не совала, – буркнула Варя. – Я к нему даже не подходила.

При этих словах Ворон посмотрел на нее как-то уж боль-

но внимательно и даже покачал головой. Можно подумать, она врёт. А она не врёт! Она точно помнит, как вышла из дома, но до будки с собакой даже не дошла. У нее начался приступ, вот прямо здесь, у забора. Хорошо, что Ворон нашёл ее ингалятор, но плохо, что он теперь знает ее тайну. Конечно, он ничего не сказал остальным, зато видел, какая она во время приступа, ужасная и беспомощная. Наверное, ему теперь противно...

– Все, пошли в дом! – скомандовал Ворон. – Вон Савельева посинела вся от холода.

Варе не хотелось в дом, ей хотелось уйти: пять километров по трассе быстрым шагом – это не так и много. Но Ворон не оставил ей права выбора, взял за руку, потащил к крыльцу.

– Ну что, сворачиваем вечеринку? – спросил Жуан, когда они оказались в доме. – Третий час ночи, пора баиньки.

Эйнштейн хотел было что-то возразить, но Жуан лишь нетерпеливо махнул рукой:

– Я сказал – баиньки! Значит, так, – он обнял Сивцову за талию, – мы с Юлькой ложимся в родительской спальне, Эйнштейн на диване в гостиной, а вы, голубки, – он подмигнул Ворону, – устраивайтесь в моей комнате. И не стесняйтесь, чувствуйте себя как дома.

– Какой ты гостеприимный, – в отличие от Вари, Ворон несколько не смутился. Ну еще бы, ему же не привыкать...

Жуановская комната поражала воображение не только своими размерами и стильной, на западный манер, мебелью,

но еще и технической начинкой. Телевизор, парящий под самым потолком на пластмассовом кронштейне, музыкальный центр, компьютер, точно такой же, как в кабинете информатики в их школе. На мгновение Варя даже забыла, с кем ей придется делить все это великолепие, застыла на пороге с открытым ртом, как деревенская дурочка.

– Впечатляет? – Ворон, задев ее плечом, протиснулся мимо, по-хозяйски растянулся на застеленной пушистым пледом тахте.

– Ничего особенного, – буркнула она и, прошлепав босыми ногами по ледяному полу, уселась в кресло.

– Да? – Ворон не поверил, усмехнулся снисходительно. – А мне нравится. – Он помолчал, а потом добавил: – Только холодно тут что-то. Тебе не кажется?

Варя кивнула. Да, холодно – зябнут не только руки, но даже обтянутые тонкими чулками колени. Она думала, что это последствия перенесенного приступа и сидения на голой земле, а оказалось, что Ворону тоже холодно.

– Ну-ка. – Он встал, подошел к батарее и длинно прищипнул: – Ледяная.

В этот момент в комнату без стука ввалился Жуан с ворохом постельного белья.

– Ребята, забыл вас предупредить, батареи в моей комнате не греют. Строители что-то напортачили еще неделю назад и до сих пор не починили. Но вы не переживайте, я вам тут одеяло из верблюжьей шерсти приволок. И потом, ведь

вдвоем спать теплее, как-нибудь не замерзнете. – Он сказал это таким тоном и посмотрел на Ворона так по-особенному, что Варя поежилась, но на сей раз отнюдь не от холода.

– Ну, нескучной вам ночи. – Жуан сгрузил одеяла на тахту и, нахвистывая что-то себе под нос, вышел из комнаты.

– Так и будем сидеть? – проворчал Ворон, критическим взглядом осматривая ворох одеял.

– А что?

– А то, что неплохо было бы лечь наконец спать.

– Ложись.

– А ты?

– А я тут... в кресле посижу.

– Дура, – сказал он беззлобно и принялся расстилать постель, – замерзнешь же.

– Одеялом укурюсь. – Она почему-то совсем не обиделась на «дуру».

– Все верно, ляжешь на тахту и укуроешься одеялом.

– А ты?

– Что – я?

– Ты куда ляжешь?

Ворон обернулся, посмотрел на нее сверху вниз, сказал после недолгих раздумий:

– Знаешь, Савельева, мы с тобой вроде бы не маленькие дети, прекрасно понимаем, что к чему. Честь твоя девичья мне даром не нужна. Хочешь дурию маяться, майся на здоровье, но лучше послушайся доброго совета – ложись и не

выпендривайся.

– Я не выпендриваюсь! – Варя вдруг стало обидно.

– Вот и хорошо. – Ворон улыбнулся. – Представь, что мы не у Жуана, а, скажем, в походе, в одной палатке. Ну же, давай! – Он приглашающе откинул одеяло.

– Только я раздеваться не буду, – предупредила Варя, выбираясь из кресла.

– Можешь даже пальто надеть, для верности.

– Очень остроумно.

– Да уж поостроумнее, чем выделяться из-за такой ерунды. Ты как предпочитаешь спать: у стенки или с краю?

– Я предпочитаю спать одна.

– Это я уже понял, но в данной ситуации выбор несколько иной. – Он продолжал улыбаться, но не снисходительно, а как-то даже по-доброму.

– Мне все равно. – От пола тянуло таким холодом, что пальцы ног онемели.

– Тогда лезь к стенке, – решил Ворон.

Второго приглашения не потребовалось, Варя проворно юркнула под одеяло. В конце концов, она не маленькая девочка, да и Ворон обещал.

Через мгновение погас свет, слышались шаги, а потом тахта тихо скрипнула под тяжестью опустившегося на нее тела, и места под одеялом вдруг стало катастрофически мало. Варя прижалась к стене, максимально увеличивая расстояние между собой и Вороном. От стены тянуло таким же хо-

лодом, как и от пола. Варя потянула на себя одеяло, попыталась соорудить что-то вроде буфера между собой и стеной.

– Эй, полегче, – послышался в темноте недовольный голос, и одеяло поползло обратно, – ты же не одна.

– Стена холодная.

– Очень?

– Очень.

– Ну-ка, – Ворон привстал на локте, пошарил за Вариной спиной. – Холодная, – констатировал через пару секунд и отвернулся.

Варя немного подождала в надежде, что теперь-то он точно уступит ей одеяло, но не тут-то было.

– Воронин, – позвала она шепотом.

– Ну что еще?

– Со стеной надо что-то делать.

– Да, со стеной определенно надо что-то делать. Завтра же скажу Жуану, что ее придется утеплить.

– А сегодня?

– А что сегодня?

– Мне холодно.

– Ну, Савельева, никто не заставляет тебя жаться к холодной стене. Отодвинься.

– Куда?!

– Ко мне.

– Думаешь, это решит проблему?

– Думаю, что я буду потеплее стены, и у тебя появится ре-

альный шанс согреться. – Ворон говорил это очень серьезным тоном, но у Вари все же не было твердой уверенности, что он не издевается.

– А давай поменяемся местами, – решение показалось ей очень даже разумным.

– Зачем?

– Я лягу с краю.

– И что? Думаешь, если я буду прижиматься к тебе, а не ты ко мне, что-нибудь изменится? С краю, между прочим, дует.

– Тогда подвинься, – вздохнула Варя обреченно.

– Куда?! Я же сказал – с краю дует.

Переговоры зашли в тупик: у стены холодно, с краю дует, тепло только посередке, а там Ворон, и она скорее умрет, чем признает, что предложенный им способ согреться самый оптимальный. Или замерзнет...

Варя лежала на спине, смотрела в потолок и проклинала все на свете: Сивцову с ее шантажом, строителей, которые что-то там напортачили с отоплением, свою собственную нерешительность и Ворона, который не желает уступать ни пяди своей территории.

– Савельева, ты спишь?

Варя решила не отвечать, затаилась.

– Я же знаю, что не спишь. – Ворон перекатился на бок, привстал на локте. Теперь он смотрел на нее сверху вниз. Даже с закрытыми глазами она знала, что он смотрит.

– Что тебе нужно? – спросила, не открывая глаз.

– Я вот все думаю, ты в самом деле не помнишь, что произошло во дворе, или придуриваешься.

Думает он! Как будто не о чем больше подумать...

– Не понимаю, о чем ты.

– Я о том, что ты сделала с жуановским псом.

Ну вот опять...

– Ничего я с ним не делала! Я к нему даже не подходила.

– Да ну?! – По голосу было слышно, что Ворон ей не верит. – Значит, у меня галлюцинации, потому что, когда я вышел во двор, вы с Лордом стояли друг напротив друга, и из вас разве что искры не сыпались.

– Галлюцинации, – буркнула Варя и отвернулась лицом к стене.

– Ладно, у меня галлюцинации, – Ворон не собирался оставлять ее в покое, – а с тобой что не так?

– Все со мной так...

– А приступ? Ты выглядела так... – Он замолчал.

– Жалко? – закончила она.

– Я этого не говорил.

– Да, ты этого не говорил, я сама сказала. – В глазах зашило. Чтобы не разреветься, Варя до крови прикусила губу.

– Я даже не это имел в виду. Просто, если у тебя есть какие-то проблемы, надо было предупредить остальных. А ты еще и пила...

– Зачем предупреждать? Чтобы дать еще один повод для

насмешек, выставить себя ненормальной?

– Никто не считает тебя ненормальной. – Варя на плечо легла горячая ладонь.

Не станет она ничего больше говорить. Потому что, если она заговорит, он сразу все про нее поймет, а ей и так тяжело, безо всех этих... откровений. Лучше молчать. Она будет молчать, и Ворон оставит ее в покое и уберет руку...

– Я не считаю тебя ненормальной, – сказал он с нажимом, а потом добавил: – Ты просто другая, не такая, как остальные. И, знаешь что, не надо меня бояться.

– Я тебя не боюсь. – Варя зажмурилась, когда его ладонь заскользила выше, к шее.

– Тогда хватит жаться к стенке, ложись нормально.

Пальцы Ворона запутались в ее волосах, и Варя подумала, что, если он сейчас, вот прямо сию же секунду, не уберет руку, с ней случится истерика.

Он убрал. Отодвинулся на самый край тахты, сказал:

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

А на плече так и остался гореть огнем отпечаток его ладони...

...Ей снилась Черная дама, женщина с зелеными глазами и белыми, как лунь, волосами. Черная дама тянула к ней руки с обломанными ногтями, шептала что-то беззвучно и улыбалась. Господи, как же страшно она улыбалась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.